

Karamzin

P. O. russ. 55^P

(8)

E

БИБЛИОТЕКА
ЦАМУТАЛИ

~~№ 107~~ № 61

11454

<36607455330011

<36607455330011

Bayer. Staatsbibliothek

1
ΕΡΕΥΝΗΤΕΡΑ
ΠΛΑΤΥΜΑΔΕ

1871

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

=

VIII.

КОПИЯ

РАБАТЫ

=

ЛТ

#61
СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ОСЬМЫЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по оппечаташи предспавлены были
въ Ценсурный Комишешъ при экземпляра.

С.-Пешербургъ, 7 Юня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитецко.

Издание книгопродавца Смирдина.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМАГО ТОМА.

	Стран.
Историческое похвальное слово Екатерины II.	1
Великій мужъ Русской Грамматики	114
О Тайной Канцеляріи	125
О щасливѣйшемъ времени жизни	133
Записки спараго Московскаго жителя	139
О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ	148
О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей .	192
О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича	200
О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. .	221

OF LAMBERT

OF LAMBERT

Chapter

I	The importance of the study of the history of the
111	the study of the history of the
112	the study of the history of the
113	the study of the history of the
114	the study of the history of the
115	the study of the history of the
116	the study of the history of the
117	the study of the history of the
118	the study of the history of the
119	the study of the history of the
120	the study of the history of the
121	the study of the history of the
122	the study of the history of the
123	the study of the history of the
124	the study of the history of the
125	the study of the history of the
126	the study of the history of the
127	the study of the history of the
128	the study of the history of the
129	the study of the history of the
130	the study of the history of the
131	the study of the history of the
132	the study of the history of the

СМѢСЬ.

CM.P.P.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНЪ II.

=

Сограждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ гошovy внимають словамъ моимъ: ибо всѣ обо-жали Великую. И шѣ, копорые, скрываясь во мракѣ опдаленія — подъ шѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмерш-ныя, и шѣ чувствовали спасительное дѣй-ствіе Ея правленія; и для шѣхъ была Она Бо-жесшвомъ, невидимымъ, но благошворнымъ. Гдѣ шолько сіяло солнце въ обласшяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Томъ VIII.

Щастливые Орапоры, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ Героевъ! или вы, копорые даромъ краснорѣчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажущъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню, копорая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присущствіи ихъ, для копорыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцахъ; Она еще и по смерти благопворитъ имъ! Черты мои должны казаться слабыми. . . . Но горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ Ея скипетромъ! и я былъ щастливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувство разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабого таланта.

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, копорыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсыанные въ пространствахъ временъ,

подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшаютъ судьбу человечества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ миллионы людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бывають только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подають руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сотраждане! не только въ шѣни древнихъ опшдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Марашонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго опшчества, на его шронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина! Они были наши — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! Они другъ другу, на величественномъ оеапрѣ ихъ дѣйсшвій, подають руку! . . Такъ, Екатерина явилась на прешолѣ оживишъ, возвеличишъ швореніе Петра; въ Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная Тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вшорая въ силѣ шворческаго духа и въ дѣяшельной мудрости правленія была непосредшвенною пре-

*

емницею Великаго Петра; разделяющее Ихъ пространство исчезаетъ въ Историю. И два ума, два характера, столь между собою различные, сославляющъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонию для счастья народа Россійскаго! Чшобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовашь Екатерина; чшобы предуготовить славу крошкой, челолюбивою, просвѣщенной Екатерины, долженствовашь царствовашь Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чшобы разсѣять хладныя осѣпки зимнихъ паровъ, и приготовить Нашуру къ теплomu вѣянію Зефировъ!

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непоспѣжимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искасть при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ шихомъ семействѣ Ангальтъ-Цербстскаго Дома — кто бы вздумалъ искасть тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Аспрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей бытъ добродѣтельною супругою какого нибудь счастливаго Нѣмецкаго Князя. Нравственные скромныя достоинства нѣжна-

го пола были единственнѣмъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (кошорымъ только великіе Монархи умѣють на пронтъ насладаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать» . . . . Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производящъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предающа въ внутреннему стремленію, подобно Сократу внимающъ тайному Генію, ищущъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуящъ себя для онаго. Одна искра, и живошворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками!

Екатерина была извѣстна въ Германіи Своею красошою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, кошорые имѣли щастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не предспа-

влялось ничего величественнѣе. Она рождена была для Самодержавія. Кропосць, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, Которая имѣла выгоду примѣчая его волшебную игру, не будучи еще на шронъ. Тутъ Ея проницательный взоръ открылъ слабая стороны человѣческаго сердца; опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ опечесшва; тихій гласъ Папріоновъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха. . . . Они съ воспоргомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государсшва, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытсшва. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоценностями мыслей; въ ихъ швореніяхъ * искала

* Родительница Екатерины, зная любовь Ея ко чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ опказала Ей свою библіотеку — сими словами: «Любезной моей Государынѣ Дщери Екатери-
нѣ Алексѣевнѣ опдаю всю мою библіотеку, какъ здѣшнюю, такъ и Дорнебургскую, собранную мною нарочно для Ея

Она правилъ мудрой Полишки, и часно, об-
локошась священною рукою на безсмертныя
спраицы *Духа законовъ*, раскрывала въ умѣ
Своемъ идеи о народномъ щастіи, предчув-
ствуя, что Она Сама будетъ творцемъ онаго
для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ! . . .
Воображая сію душевную дѣятельность, я
вижу, кажешся, предъ собою юнаго Алкида,
копорый, въ тишинѣ собирая силы, ушверж-
дая мышцы и рамена свои, готовишся пред-
пріять геройскіе подвиги. . . . Ахъ! подвигъ
мудраго Царя естъ самый пруднѣйшій въ мірѣ!

И Екатерина на пронѣ! . . . Уже на
безсмертномъ мраморѣ Истории изображенъ
сей незабвенный день для Россіи: удерживаю
порывъ моего сердца описать его величіе... Красно-
та въ образѣ воинственной Паллады! . . .
вокругъ блестящіе ряды Героевъ; пламя усер-
дія въ груди ихъ! . . предъ Нею священный
ужасъ и Геній Россіи! . . Опираясь на Муже-
ство, Богиня шествуешь — и Слава, гремя
въ облакахъ трубою, опускаешъ на главу Ея
вѣнокъ лавровый! . . .

Съ Екатериною возсѣли на престолахъ
крошкая мудрость, божественная любовь ко
славу (испосчникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неу-
шомимая дѣятельность, знаніе чловѣческаго

«Высочесства; ибо я знаю Ея великую охоту ко чпенію.
«Всевышній да поможетъ Ей украситься плодами онаго, и
«да пріобрѣтешъ Государыня, любезная Дщерь моя, всѣ добродѣ-
тели, нужныя для Ея высокаго сана! Чрезъ чню исполняшся
«наши родительскія наставленія, прсжде данныя Ея Высоче-
«ству.»

сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе до-
вершишь начатое Петромъ, просвѣтишь
народъ, образовашь Россію, ушверишь ея
щасіе на столпахъ незыблемыхъ, согласишь
всѣ части правленія, и купишь безсмертіе
дѣлами Матери Ошечества. Сей обѣтъ про-
изнесла Монархиня во глубинѣ души Своей, и
небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для
исполненія.

Сограждане! Екатерина безсмертна Своими
побѣдами, мудрыми законами и благотѣтельны-
ми учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуешь за
нею на сихъ трехъ пущахъ славы.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая
Философія гремѣтъ прошивъ славолубія за-
воевателей! Сколь часто укоряють ихъ без-
численными жертвами сей грозной спрашки!
Но истинный Философъ различаетъ, судитъ,
и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта
всемирнаго согласія и брѣштва, столь милая
душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда
мечтою? Правило народовъ и Государей не
есть правило частныхъ людей; благо сихъ
последнихъ пребудетъ, чшобы первые болѣе
всего думали о внѣшней безопасности: а безо-

пасность есть — могущество! Слабый народъ шрепещеть; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается полишическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Ашшиль, копорые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя Героевъ, копорые разили враговъ опечесхва, и побѣдами запечашли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли пріобрѣшеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ копорой всякое внутреннее благо не надежно. Монархиня знала, что Имперія Опшоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только крапкимъ перемиріемъ, и что единственный способъ ушвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріателя Хрисціанъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда гошовой къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзосный Муспафа оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мяшежниковъ; требовалъ, чтобы

войско наше оставило Станислава имъ въ жертву; и наконецъ, презирая священное право народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже ея воины разили Опшомановъ; уже на берегахъ Днѣпровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена . . . но взоръ Екатерины еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ Року. Искала, и нашла — Румянцева! Сей великій мужъ славно опличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцева, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріавъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огонь и мечъ защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Опшомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшныя завоеватели Востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоявъ предъ лицомъ Румянцева! Восемдесятъ тысячъ опборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Пруша; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — шуда, гдѣ рѣка Прушь вливаетъ быспрыя воды свои въ величественный Дунай; шуда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, опчаялся бывъ побѣдителемъ и требовалъ мира — шуда Геній Екатерины привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сograждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои имениныя, щасливыя сподвижники Румянцева! и никогда въ моемъ воображеніи не зашмился сія величественная картина. 17 Тысячъ Русскихъ, на разсвѣтъ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ 150 тысячъ непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были опданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его

взорахъ. Вдругъ громы возвѣспили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло—и гдѣ враги многочисленные? Я вижу пророки наши, и среди ихъ Героя Румянцева, которъй, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишешь къ Монарху донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты ушѣшился. Огненный сліяніе Пруша съ Дунаемъ будешь радостнымъ памяникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатериной славы мірѣ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на половину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пѣняшся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія шѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины; имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ потомцевъ; надѣялись именемъ новой Аѳиней

воззвашь къ жизни и великимъ дѣламъ пошомковъ Мильшіада, Ариспида, Оемиспокла. Но долговременное рабство навѣки умершвило шамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы шворить дѣла обыкновенной храбрости . . . и море Эгейское пылаешь! . . . О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и щасливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ спихіями: огонь и волны испребляютъ врага! вѣками угошованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все Опшоманское гибнешъ, кроме однихъ профеевъ для побѣдишеля — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Честь безсмертна, подобно Полшавъ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы *.

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Іоаннъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, копорые опъ Чернаго моря простирающся до Азовскаго, не могли остановить поржесшвеннаго печенія Ея воиновъ, и

* Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего опечесства, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія.— Берега Дуная не преславали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь шрешалъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Муспафа смирился: Румянцевъ опуспилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдспвіямъ Опшомановъ. Мирные переговоры не имѣли щаспливаго успѣха, и Полководецъ Ек а т е р и н ы украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, испреблялъ, очиспилъ себѣ пушь къ Адрианополю, опрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный пракупашъ, копорый опкрылъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимоспъ Крыму, обогашилъ казну государспвенную милліонами, опспвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрокъ. Никогда еще опечесство наше не заключало шоль блеспящаго мира съ Поршою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянспва шремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіашскихъ: Е к а т е р и н а воскресила сію награду, доспойную Ея величія — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ шоржеспвомъ Румянцева былъ шопъ день, когда Е к а т е р и н а именемъ опечесства изъявила ему благодарноспъ. Опягченнй лаврами, онъ сходишъ съ оеапра

славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: «Во дни «Екатерины Румянцевъ открылъ вамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ «числомъ безчисленность; усѣваешь поля шрупами ихъ, и сохраняешь цѣлость рядовъ вашихъ!» — Если таланты изъясняющіяся сравненіемъ, то Задунайскаго можно называть Тюреномъ Россіи. Онъ былъ мудрый Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателемъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Нашуръ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливостъ подчиненнымъ, но огорчился бы въ глубинѣ сердца, если бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, некогда мощную Республику, которой имя и

бышіе уже исчезло въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша шерзала наше опечесство? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хвапала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣшущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сармашскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возспала въ гнѣвъ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвращили похищенное. Такъ, Монархія взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ вѣхія Республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего опечесства, подобно дѣшамъ, копорыя, бывъ долго въ горестномъ опсущствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра щасливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ шрудобіе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на пучныхъ пасвахъ разсыпаются спада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пасырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію щасливые берега Ладона — Мало

россія не могла бытъ покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина повелѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Истории и въ самой Мифологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмушороканское или столицу его, кошорая скрывалась досель * ошъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственныя для нашего опечесства. — Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ опдаленныхъ земель пріѣзжающъ видѣшъ сію чудесную страну, кошорая представляетъ взору и гранишныя горы Швейцаріи и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ шворческая Напура съ нѣжными красочами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдашель Природы находить для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Опшоманская Порша содрогнулась; и хощя,

* На островъ Таманъ. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный прахташъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала. . . .

Здѣсь напомнимъ вамъ, сограждане! славное пушешествіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего щасливаго царствованія. Зрѣлище восхищительное, достойное Екатерины! Опъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понша Эвксинскаго шествіе Великія казалося торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упали предъ Нею какъ предъ Божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣшущимъ обласнямъ ея, изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедростями! . . . Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: «Сіи прудолубіемъ и художествомъ украшенныя мѣста недавно были горестною пустынею, дикою степью; гдѣ сіи обширные сады зеленѣющъ и гордыя палаты возвышались, тамъ одни песчаные холмы предстали унылому взору! Въ семъ юномъ городѣ *, Тобою сотворенномъ, уже цвѣтешъ торговля. Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняющъ

* Въ Херсонѣ.

«ся своими богатствами. Здѣсь все исполнено имени и славы Твоей!» Тамъ два Вѣнцеслава встрѣтили Монархиню, какъ бы для того, чтобы еще болѣе украсить Ея торжество. Екатеринѣ обязанъ былъ Сшаниславъ короною, и славился шѣмъ предъ свѣшомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили Посольствами изъяснить радость свою о приближеніи Сѣверной Царицы къ спранамъ ихъ.

Сіе путешествованіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Іосифомъ послужили Опшоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, воспрепещали: они узнали прежнихъ своихъ разишелей, узнали по ихъ быспрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щасливыми приспупами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но

Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитроспями Искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величїи, чтобы нѣтъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человеколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, кошорые въ открытомъ спанѣ презирали всѣ ужасы зимнїе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по штурпамъ непрїятелей. — Взятїе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ! . . . казалось для того, чтобы видѣть неприспущность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россїянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видѣтъ смятенїе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства! Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленїемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подѣ начальствомъ Героя, превращающся въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россїи; но щасїе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши,

не хотѣли его признашь своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и спрашнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннапъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ несчастій. Опшоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Юсифа, тѣхъ, копорые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами спарецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти опечесство. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но крашковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылыя легіоны Австрійскіе; одинъ Рымникскій могъ принести славу и щасіе въ спанъ ихъ — и принесъ. Семь тысячъ Рускихъ указали имъ путь къ побѣдѣ. . . Австрійцы сразились храбро. . . Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Е к а т е р и н ы, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ путь нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ прошивъ храбрыхъ Республиканцевъ пославить Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

Е к а т е р и н а въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порша, Англія и Пруссія обольстили Гуспава: онъ дерзнулъ объявить вой-

ну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монарху. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказати его; всѣ мирные граждане готовы были лезти на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — воспоминаніе незабвенное и радостное для Патриотовъ! Могли ли Готы, неохотные исполнили незаконной воли *, стоявъ противъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовью къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны несправедливой? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ плѣнъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что сража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ испошилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флюговъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокомеріемъ и лживы-

* По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Власей, то есть, Сейма.

ми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Опшоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары спрашивались одного имени Россіянъ; море, опроверсшее для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Султана флагъ Екатерины. . . . Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія испребился на семъ берегу Днѣпра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельство; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ *, и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кицѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заскупленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ бы-

* Французской Революціи.

ли разсыяны горстїю нашихъ воиновъ , и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою. . . Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя рашоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятїяхъ сна , и драгоцѣнная кровь Россійская обогрила спогны Варшавскія. Слабодушные убійцы ! спыдъ Сѣвера , которьй , издревле довольспивуясь славою побѣждашь Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліанскіе! . . . Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недоспойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечъ испребленія; пошелъ — и вождь мяшежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ опчаяніемъ, дымишся въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ спопамъ Екатерины. Совершилось! . . . Польши нѣтъ; но ея мяшежные и несчастные жишели, утрашивъ имя свое , нашли миръ и спокойствіе подъ державою прехъ союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ опечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спаршанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ , оеапромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. . . . Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Е к а т е р и н ѣ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремѣшъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираешъ изумленная имъ Европа, хопя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго Воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляешъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ вѣликихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибку. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а лезъ къ Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ * : *взоръ, быстрота, ударъ* — но *взоръ* сей даешъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надле-

* Написанныхъ имъ въ его шакшикъ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

жало ему бышь о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ любилъ побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его профеями. Суворовъ не хотѣлъ знашь, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбишой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бѣ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежишь къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Свяшаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ споящіе: тамъ юные воины опечесхва будущъ произносишь обышы геройсхва. И въ семъ ревностномъ швореніи слабаго моего таланта да сіяюшь вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ!

Уничтоженіе Польской Республики возвращило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странъ плодотворной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ несчастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Екатеринѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны

Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ шуманныхъ, то опускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ вратъ *Каспійскихъ*; уже стѣна *Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріямъ серебряные ключи *Дербенна* изъ рукъ сшарца, копорый въ юности своей вручалъ ихъ *Петру Великому*, и сей градъ, основанный, по воспочному преданію, *Александромъ Македонскимъ*, осѣнился знаменами *Екатерины* . . . когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и печеніе побѣдъ Ея. Тайнство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла *Екатерины* могли бытъ увѣнчаны новымъ чудомъ; война *Персидская* могла имѣть предметъ важный; могла отккрыть путь въ Россію несмѣшнымъ богатствамъ *Восшока*; могла успокоить народы мяшежные, копорые, подъ вліяніемъ щасливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла. . . . Но, повшоряю: тайнство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на вышней степени геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, спрашную для виѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ спихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги

достойнымъ ихъ образомъ; опличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышалъ восхищительныя слова Милоспи, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди сполиты усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и спремались на поле чести искапать опасней и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцибіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взираала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ гошвы были лешѣи непобѣдимые!

Не только благо нашего опечесства, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило спѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магомешъ II могъ бытъ новымъ испребишелемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдспвенны успѣхи Опшоманскаго оружія для человѣчесства и просвѣщенія? Теперъ варвары уже неопасны для Европы; теперъ слабый Паша Виддина презираешъ могущесство Порты! . . . И сія безопасность естъ дѣло Великой Екатери-

ны, Которая потрясла и опчаспи разрушила сей колоссъ ужасный.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

ЕКАТЕРИНА Завоевательница споймъ на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блеснящимъ успѣхамъ Ея оружія—но Россія обожаешъ Ея успавы, и воинская слава Героини зашмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли бытъ основаніемъ ихъ гражданскаго щастія; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Неперыбливыя мысли мои спѣшашъ устремиться на многіе предметы, споль любезныя уму и сердцу; но прежде означимъ главное и споль новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняешъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, шакъ сказаъъ, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печашъ, сей духъ всѣхъ Ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человека, нравственнаго существа, созданнаго для щастія въ гражданской жизни. ПЕТРЪ Великій

хотѣлъ возвыситъ насъ на степенъ просвѣщенныхъ людей: Е к а т е р и н а хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляе намъ самовластныхъ Владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единого слѣпаго повиновенія, не даетъ опчеша въ пущахъ своихъ — гремишь, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая возрѣшь на всемогущество. Екатерина преломила обвиный молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣпнымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая опнынъ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо Е к а т е р и н а научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните спротивъ, опасныхъ временъ, когда спрашно было наименовать Вѣнценосца; но имя Е к а т е р и н ы, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ успъ въ успа съ любовію и радостію прелешало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! чидай въ сердцахъ нашихъ; «мы не боимся, ибо мы любимъ Тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкошорая пѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто доб-

рыми и спокойными гражданами *. Хотя Великая предоспавила Августѣйшему Ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда щасіе Монарха и подданныхъ соспавляютъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ; но въ царствованіе Екатерины одни пресшупники, или явные враги Ея, слѣдспвенно враги общаго благоденствія, спрашились пущынь Сибирскихъ; для однихъ изверговъ отперзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единспвенно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдспвій для государства: ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человека благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щасія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей крошкій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ человечеству, долженствовало бытъ и главнымъ характеромъ успавовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государспвеннаго блага, спѣшила ушвердить правосудіе, защиту собственности

* См. Указъ объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи въ 1762 году, Октябръ 19.

въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было страшное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ поспыдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ быть нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, прогашельному Указу о семъ предметѣ *? Любовь Свою къ правдѣ спавишь Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, копорые, вмѣсто славы были орудіями истины, щипомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекушя только о гнусной корысти!

Сенапъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенапъ, который въ опсущствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ Петра ушрашилъ свое могущество — будучи замѣненъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а послѣ Кабинетомъ Императорскимъ — хопя и былъ воспановленъ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но безчисленныя дѣла, спекаясь въ семъ главномъ судилищѣ, такъ сказашъ, исчезали въ его архивахъ, къ неизъяснимому вреду частныхъ людей и государственной экономіи. Екатерина раздѣлила Сенапъ на Департаменты, каждому изъ нихъ предписала особенный родъ дѣлъ, и симъ порядкомъ оживила ихъ печеніе. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгорукихъ и

* Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

Головиныхъ, друзей Петровыхъ — вы знаете, чего Монархиня отъ васъ требовала! Тамъ, въ собраніи вашихъ священныхъ хартий, блюдеши, на память вѣкамъ, сіе собственноручнаго Ея начертаніе *, въ кошоромъ Она говоришь съ вами какъ съ именитыми опшцами древняго Рима, изъявляя пламенную ревность Свою ко благу Россіи, заклиная васъ любовію къ опечесству бышь достойными орудіями законовъ, и спавя вамъ въ примѣръ Испорію! Отъ васъ единыхъ всегда зависѣло бышь подобными шому величеспвенному Совѣшу, кошорый Царямъ казался *Совѣтомъ Царей*. Великая Сама засѣдала съ вами, и разсуждала о пользѣ народной. Единый изъ васъ **, мужъ достойный почшенія Россіянъ, дерзнулъ предсавишь Ей возраженіе въ дѣлѣ важномъ и государспвенномъ, уже рѣшенномъ Монархинею; не прешпалъ голосъ его, и видѣ спокойный не измѣнялся: онъ зналъ Екатерину — и державная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славнѣе для Монархини!

Желая, чшобы духъ ревности, вліянный ею въ главное Правительсшво Имперіи, распрошился и во всѣхъ часпяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленіе Губернаторамъ* ***, въ кошоромъ предписываетъ имъ

* Отъ 6 Іюня 1763.

** Петръ Ивановичъ Панинъ. — Сей случай всѣмъ извѣстенъ.

*** 1764 году, Апрѣля 21.

быть окомъ и душею правосудія , чтобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обила свящая истина , и чтобы ни знатность вельможъ, ни сила богатства не могли обольщать совѣсти, а вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствія !

Торговля, отрасль государственнаго благосостоянія, была особеннымъ предметомъ Ея вниманія. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться: Она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатыхъ произведеній Россіи, богатыхъ своею необходимостію для другихъ народовъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Китаемъ, съ Востокомъ и съ Европою *. Архангельскій Портъ преслалъ завидовать Пешербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились. Въ правленіе Екатерины чудесные успѣхи внѣшней торговли были слѣдствіемъ ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя страны, обогащенныя Нашурою, но пустыя, ненаселенныя: она благодѣтельными законами ** привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію , и звукъ сѣкиры раздался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ свѣжую землю, и Природа укра-

* Указъ 1762 году, Августа 10.

** Указы 1763 года, Іюля 22; и 1764, Марта 10.

сила съ плодами трудовъ чловѣческихъ. Уже давно путешествующіе иносѣранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единосѣмцевъ, копорые говорятъ имъ о щедротахъ Екатерины, и копорые, по мѣрѣ ихъ искусства и прилѣжности, благоденствуютъ въ нашей Имперіи, не жалѣя о своемъ отечествѣ. Такъ среди волнстыхъ степей Царицынскихъ цвѣтеть теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щасливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце карпиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и плашитъ намъ долгъ признательности ласковымъ госшепріимствомъ.

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что спрогій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, споль несообразныхъ съ его свящсстію, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ досташочныя суммы для всѣхъ попребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ упопребить прочіе доходы съ его милліона душъ на успокоеніе преслартлыхъ воиновъ и содержаніе духовныхъ училищъ *. Такимъ образомъ

* Манифестъ 1764 году, Февраля 29.

исполнилось желаніе благочеспивыхъ людей, копорые отдавая монастырямъ свое богатство, безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чшобы оно употреблено было на благодѣшельныя заведенія: — чшожь можетъ бытъ свяще прирѣнія изувѣченныхъ Героевъ и основанія училищъ, въ копорыхъ образующся служители Олшарей и доспойные проповѣдники Божеспвеннаго Слова? Знаменитѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ папріюшическое свое усердіе. Имена Мишрополиша Новгородскаго и Архіепископа Санкшпешербургскаго будушъ всегда извѣспны, вмѣспъ съ именемъ Ософана, соспрудника Петрова.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, изданныхъ Екатериною въ первые при года Ея царспвованія, и доказывающихъ шу неусыпную ревность къ опечеспву, шу непоняшную дѣяшельность, копорая объемлетъ всѣ часпи цѣлаго, и копорыя примѣръ находимъ въ Петръ Великомъ. Но пошомспво замѣшимъ, чшо внушреннее превосходное образование нашихъ армій еспъ дѣло Екатерины. Она опредѣлила ясно * всѣ должнспши опъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и спрогую, необходимую для успѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Успавомъ вліяла въ легіоны наши духъ чспши и благородспва; Она произвела,

* См. Указъ о воешпой дисциплинѣ и Инспрукцію Полковнику.

что войны одного полку считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ не только человѣколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъясняя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ опечесство.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія! Россія имѣла многіе частныя, мудрыя законы, но не имѣла общаго Уложенія, которое бываеетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотѣли системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Свою съ подданными, и признала ихъ достойными быть совѣтниками Трона. Повелѣвъ собратъ Государственнымъ Чиномъ или Депутатамъ изъ всѣхъ судищъ, изъ всѣхъ частей Имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ успѣхахъ для государства — Великая говорила: «Наше первое желаніе есть видѣть народъ «Россійскій столь щастливымъ и довольнымъ, «сколь далеко человѣческое щастіе и довольство можетъ на сей землѣ простирается.

«Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего
«чиспосердечія, великія довѣренности и пря-
«мыя машеринскія любви, ожидая со споро-
«ны любезныхъ подданныхъ благодарности и
«послушанія *.» Воображеніе мое не можетъ
представишь ничего величественнѣе сего дня,
когда въ древней столицѣ нашей соединились
обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы,
разсѣянные въ пространствахъ Россіи, язы-
ковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: попомки
Славянъ-побѣдителей, Нормановъ, ужасныхъ
Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ
перомъ Тацишовымъ; мирные пасыры южной
Россіи, Лапландскіе Ихтіофаги и звѣриными
кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась
тогда столицею вселенныя, и собраніе Рос-
сійскихъ Депушатовъ сеймомъ міра. Имъ тор-
жественно объявили волю Монархини — и
Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы
людямъ **! Имъ торжественно вручили сей
славный Наказъ Екатерины, писанный Ею
для избранной Коммисіи Депушатовъ, переве-
денный на всѣ Европейскіе языки, зеркало Ея
великаго ума и небеснаго человеколюбія. Ни-
когда еще Монархи не говорили съ подданны-
ми такимъ плънищельнымъ, прогашельнымъ
языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ
на пронѣ столь премудро не изъяснялся, не

* Манифестъ о собраніи Депушатовъ.

** Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъ-
яснить, что такое законъ.

имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управляшь людьми, о средствахъ народнаго щастія. Сograждане! сіе швореніе шакъ до- спопамяшно и священно, что сердце мое пы- лаешъ ревностію предшавишь вамъ главныя чершы его.

Монархія прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи — *Самодержавный*; не довольствуюшся единымъ всемогущимъ изрѣ- ченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое, сво- бодное исполненіе, необходимое для прешченія всѣхъ возможныхъ безпорядковъ; всякая мед- ленность произвела бы несчастныя слѣдствія (9, 10, 11 *). Здѣсь примѣры служатъ убѣди- тельнѣйшимъ доказательствомъ. Сograждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ называл- ся, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мяшежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ прона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: пре- красное зданіе общественнаго благоустрой- ства разрушилось; неописанныя несчастія бы- ли жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ,

* Сіи числа означаютъ отдѣленія Наказа.

осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятильпнее заблужденіе, для спасенія полишическаго бышїа своего вручаетъ самовласіе щасшливому Корсиканскому воину. Не за шѣмъ оспавилъ человекъ дикіе лѣса и пустыни; не за шѣмъ построилъ великолѣпные грады и цвѣшущїа селы, чшобы жишъ въ нихъ опяшъ какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знашъ покоя и вѣчно рапоборсшвовашъ не шолько со внѣшними непрїашелями, но и съ согражданами: что же другое представляешъ намъ Исторїа Республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хошя единый мирный и щасшливый оспровъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняешся добродѣшлію великихъ Республиканцевъ; но сколь крапковременны блестящїа эпохи ея? Сколь часшо именемъ свободы пользовалось ширансшво, и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чѣе сердце не обливаешся кровію, воображая Мильшіада въ темницѣ, Ариспида, Оемиспокла въ изгнанїи, Сократа, Фокїона, піющихъ смершную чашу, Капона самоубійцу и Брута, въ послѣднюю минушу жизни уже не вѣрящаго добродѣшели? Или людямъ надлежишъ бышъ Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйшвіи различныхъ вошь, будешъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкошорыхъ власшлюбцевъ, жершвующихъ опечесшвомъ личной пользѣ своей. Да живешъ же сіа дикая Республиканская независимосшъ въ мѣспахъ, подобно ей дикихъ и неприступ-

ныхъ, на снѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранишовъ и глубокихъ пропастей, гдѣ ошъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолвствуюшъ спрасши въ хладной душѣ людей, и гдѣ человекъ, не зная многихъ потребностей, можешъ довольствоваться немногими законами Природы!

Сограждане! признаемъ во глубинѣ сердець благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ Екатериною: «Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ Властелиномъ, нежели угождашъ многимъ» (12) «Предметъ «Самодержавія», вѣщаетъ Она, «есть не то, «чтобы опнять у людей естественную свободу, но чтобы дѣйствія ихъ направишъ къ «величайшему благу (13).» Сія утѣшительная истина въ устахъ Монаршихъ плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣнценосца, слѣдующаго правиламъ Екатерины, кажется мнѣ щасливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непремѣннымъ законамъ любви его. Сіе Правленіе шѣмъ благошворитѣ, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щасливѣе, шѣмъ власъ Его свяшѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразитѣ съ цѣлію гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.

«Государь есть источникъ всякія власи «въ Монархіи (19); но сія власъ должна дѣй-
«ствовашъ чрезъ нѣкоторыя посредства, нѣ-

«которымъ опредѣленнымъ образомъ : ражда-
«ются Правительсва и законы, которые
«дѣлають твердымъ и неподвижнымъ успа-
«новленіе всякаго государсва (20, 21). Се-
«нашъ, главное Правительсво, но зависящее
«отъ Монарха, есть въ Россіи хранилище
«законовъ (26). Онъ принимаетъ ихъ отъ
«Государя для исполненія; но можетъ пред-
«ставлять Ему, еслии найдетъ въ нихъ
«что нибудь вредное, шемное или прошивное
«Уложенію (21, 23, 24).» Такимъ образомъ
Сенатъ въ отношеніи къ Монарху есть совѣсть
Его, а въ отношеніи къ народу рука Монар-
ха; вообще же онъ служишь эгидою для госу-
дарсва, будучи главнымъ блюстителемъ по-
рядка.

Монархиня, сказавъ, что Самодержавіе не
есть врагъ свободы въ гражданскомъ обще-
ствѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ:
«Она есть не что иное, какъ спокойствіе ду-
«ха, происходящее отъ безопасности, и право
«дѣлать все дозволяемое законами (38, 39); а
«законы не должны запрещать ничего, кромѣ
«вреднаго для общества; они должны бышь
«столь изящны, столь ясны, чшобы всякой
«могъ чувсвовать ихъ необходимость для
«всѣхъ гражданъ: и въ семъ-то единсвенно
«состоишь возможное равенсво гражданское
«(34)! Законодатель сообразуется съ духомъ на-
«рода; мы всего лучше дѣлаемъ то, что дѣла-
«емъ свободно, и слѣдуя природной нашей
«склонности. Когда умы для лучшихъ зако-

«новъ не гошвы, шо приготошвыте ихъ; когда
«же надобно для щасіія народа перемѣнишь
«его обычаи, шо дѣйствуйте однимъ примѣ-
«ромъ. Одно необходимое наказаніе не естъ
«пиранство, и законамъ подлежишь только
«явное зло (57 — 63).»

Монархія раздѣляетъ всѣ возможные пре-
ступленія на особенные роды, и мудрость Ея,
обогащенная мыслями Философовъ, кошорые
занимались симъ важнымъ дѣломъ, опредѣля-
етъ для каждаго рода особенныя наказанія,
извлеченныя изъ самаго естественна вина: мысль
святая! новое свѣтило для Законодателей!
Такимъ образомъ «нарушишель благонравія да
«лишится выгодъ, сопряженныхъ съ благо-
«правіемъ; да ознаменуется стыдомъ, всена-
«роднымъ безчестіемъ; да удалится отъ об-
«щества, кошорому онъ служишь поношені-
«емъ; да загладитъ раскаяніемъ дѣло свое, и
«да исправится! Такимъ образомъ наруши-
«шель общаго покоя да лишится мирныхъ
«его наслажденій, и губишель другихъ да по-
«гибнетъ (68 — 79)!»

Премудрая доказываетъ умомъ и опытами,
что «излишно строгое наказаніе не удержи-
«ваетъ людей отъ злодѣяній; что умеренное,
«но продолжительное, дѣйствуетъ на душу
«сильнѣе жестокаго, но маловременнаго; что
«законы исправительные и крошкіе благошвор-
«нѣе строгихъ, искоренительныхъ; что ужас-
«ная привычка къ казни ожесточаетъ сердце,
«и опшимаешь у Законодателя способы къ

«исправленію нравовъ; что стыдъ долженъ
«быть главнымъ его орудіемъ; что не умъ-
«ренность наказанія, а совершенное упущеніе
«вины рождаетъ дерзость и необузданность
«(81 — 91).» Нѣжная душа Екатерины мо-
гла ли безъ препеши вообразить лютую
казнь смерти, уничтоженіе существа, одарен-
наго чувствомъ? Монархія отрицаетъ ея
необходимость въ спокойное царствованіе за-
коновъ, и крошечная Философія шоржесивуетъ
надъ жестокимъ обыкновеніемъ вѣковъ (210—
213). Ко славѣ вашей, Россіяне! скажетъ нѣ-
когда Исторія, что у васъ первыхъ преспала
лишья кровь человѣческая на эшафадахъ! И
одно нѣжное, женское сердце, подкрѣпленное
необыкновенною силою ума, могло согласить
правосудіе съ человѣчествомъ! Злодѣйство на-
казано; но единый Богъ располагаетъ жизнію
людей въ Россіи!

Законъ, утвердивъ наказаніе, долженъ опре-
дѣлить и способы открывать преступленіе.
«Въ странахъ, гдѣ человѣчество угнетено,
«судъ простъ и рѣшителенъ: гордый Паша
«выслушиваетъ распрю, и судимый оправданъ
«или наказанъ. Но въ государствѣ просвѣщен-
«номъ, гдѣ жизнь, честь и собственность
«гражданина священны, пребудетъ основатель-
«наго разысканія истины (112 — 114.)» Монархи-
я исчисляетъ всѣ необходимыя осторожности
въ судопроизводствѣ; опредѣляя случаи, въ
копрыхъ многія согласныя вѣроятности
рождаютъ увѣреніе, отвергаетъ всѣ сомни-

шельныя доказательства; ставишь неясное преступленіе еще наряду съ невинностію; щадишь судимаго до послѣдней возможности оправданія, избавляя его отъ всѣхъ ужасовъ, предшесвующихъ наказанію, и спрашнымъ врагамъ темницъ дозволяешь опровергаться единственно для обличенныхъ (116 — 192.) Съ какимъ прогашельнымъ краснорѣчіемъ изображаешь Она ужасъ сего варварскаго обыкновенія терзашъ людей прежде осужденія, сей адомъ вымышленный способъ допросовъ, спрашнѣйшій самой казни, вину бесчисленныхъ ложныхъ показаній и неправедныхъ приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини, увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ какомъ случаѣ не могло бытъ терпимо сіе лютое и безразсудное испязаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ челоѣколюбіемъ судишь Она то преступленіе, котораго имя всего спрашнѣе въ Самодержавіяхъ — «оскорбленіе Величества — и которое часно «бываешь предлогомъ несправедливыхъ жесто- «кошей, единственно отъ темнаго и ложна- «го понятія о сущесствѣ онаго. Такъ въ «Римѣ наказывалось смертію неуваженіе ко «спашуямъ Императора (475); такъ по древ- «нему закону Англіи надлежало казнишь вра- «ча, который дерзнулъ бы сказаши о больномъ «Королѣ, что жизнь его въ опасности (476.)»

Монархия говоритъ, что истинное оскорбленіе Величества есть только злодѣйскій умыселъ противъ Государя (478); что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія (481), кромѣ случая, въ которомъ возмущишель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что слова всего болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ; что безразсудная нескромность не есть злоба (481); что для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлить только исправительное наказаніе (482); что въ «самодержавномъ государствѣ хотя и неперпичныя язвительныя сочиненія, но что ихъ не должно вѣнчать въ пресупленіе: ибо излишняя строгость въ разсужденіи сего будетъ угнетеніемъ разума, производитъ не вѣжество, опнимаешь охоту писать и гаситъ дарованія ума (484).»

Означивъ такимъ образомъ свойство и дѣйствіе законовъ, Монархия пребываетъ опъ ихъ сочинителя ясности въ слогѣ, убедительной силы, доказательствъ пользы; они не перпятъ никакихъ излишнихъ понокшей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логическія хитроспиральи, но простое и здравое сужденіе опца, пекущагося о дѣлахъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благоспиральи; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не вишійствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны бытъ свѣш-

лымъ зеркаломъ, въ которомъ всякій гражда-
нинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно
судьбу свою; чшобы добродушный судія не
уеомнился въ ихъ смыслъ, и чшобы самый
лукавый не могъ находить въ нихъ двумыс-
лія, благопріятнаго для ябеды и неправосудія
(448 — 462).

Но Екатерина не довольствуется тѣмъ,
чшобы всѣ возможные преступленія въ обще-
ствѣ были судимы и наказываемы по ихъ
истинной важности: Она желаетъ опвра-
тить зло. Солоны и Ликурги времени гряду-
щихъ! внимайте словамъ Ея! «Хотите ли пре-
«дупредить злодѣянія? сдѣлайте, чшобы законы
«благошворили равно всѣмъ гражданамъ; чшобы
«люди спрашились только законовъ и ничего
«болѣе не спрашились; чшобы законы уни-
«чюжали только бѣдшвенную свободу вре-
«дѣть ближнему; награждайте добродѣтель,
«просвѣщайте людей, усовершенствуйте вос-
«питаніе (243 — 249!» Екатерина от-
крываетъ вамъ тайну человѣческаго серд-
ца и государшвеннаго благополучія. Дайте
способы чловѣку въ каждомъ гражданскомъ
отношеніи находить то щастіе, для копо-
раго Всевышній сотворилъ людей: ибо глав-
нымъ корнемъ злодѣяній бываетъ нещастіе.
Но чшобы люди умѣли наслаждаться и быть
довольными во всякомъ состояніи мудраго по-
лишического общества, то просвѣщайте ихъ!
Они увидятъ необходимость гражданской за-
висимости, необходимость нравшвеннаго доб-

ра для щастія, и будущъ довольнѣе, добрѣе и щасливѣе!

Но просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть двойное: нравственное воспитаніе человека, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу Правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ несчастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму, принадлежишь къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ свойства, нужныя для ихъ цѣлости, входяшь во второе (351 — 352). Пусть Спаршанецъ или жишель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпимъ самовласшія! Въ Россіи, при самомъ начальномъ раскрытіи души, должно вкоренишь въ человека благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государственное власси, и, такъ сказать, образу отечества. «Каждое особенное семейство должно «быть управляемо примѣромъ большаго семейства (349),» которое есть государство. «Хотѣя въ пространной Имперіи общественное «или народное воспитаніе невозможно, одна- «кожь Законодатель долженъ предписать нѣ- «которыя правила, которыя могли бы слу- «жить по крайней мѣрѣ совѣтомъ для роди- «телей (350).» Монархиня предписываетъ оныя — и Философъ, посвятившій всю жизнь свою на образованіе сердца, не могъ бы сказать ничего премудрѣе.

Екатерина обращаетъ взоръ на три государственныя состоянія : земледѣльческое , торговое или ремесленное, и воинское. «Первое есть самое необходимое и труднѣйшее: шѣмъ болѣе должно ободрять его (297).» Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Кипая, гдѣ Императоръ ежегодно возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ Мандарина. Сообразуясь съ успавами нашего государства, Она предлагаетъ иные способы награды для шѣхъ, копорые, пошомъ лица своего орошая землю , извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей, гораздо драгоцѣннѣйшія Перуанскаго злапа и Бразильскихъ діаманшовъ; [«главное же ободреніе сельскаго трудолюбія есть , по словамъ Ея, право собственности: всякой печется о своемъ болѣе, нежели о шомъ, что другому принадлежишъ, или что другіе могутъ опнять у него (295, 296);» Ея человѣколюбивое намѣреніе ясно (261); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи , Екатерина спрашиваетъ: «Ошъ чего болѣе половины младенцевъ, раждаемыхъ въ нашихъ селахъ, умираетъ въ дѣтствѣ?» Она угадываетъ источникъ сего спрашнаго зла: «порокъ въ физическомъ воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, не могущіе о самихъ себѣ имѣть нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, могутъ ли имѣть хорошій присмотръ за слабыми существами, находящимися въ безпрестанной болѣзни, шоесть, во младенчествѣ? Какое щастіе для

«Россіи, естѣли найдешся способъ отвращенія
«такую гибель (266 — 276)!» Однимъ словомъ:
Она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хо-
тѣла, чтобы, осыпанные изобиліемъ Приро-
ды, среди многочисленныхъ семействъ своихъ,
они трудились для наслажденія, и подъ сми-
реннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ лю-
били обитать спокойствіе, не завидовали ве-
ликолепнымъ градскимъ паламамъ, гдѣ часто
праздность и скука изнуряютъ сердце; Она хо-
тѣла, чтобы трудолюбіе, зернистые класы,
злашья нивы, полныя житницы, были для
нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля
и селы, такъ среднее политическое состояніе
украшаетъ грады (377). Обогащая государство
торговлею и художествами, представляя ему
новые источники общественнаго избытка и
силы, оно не менѣе полезно и для успѣховъ
земледѣлія, имѣя нужду въ его плодахъ, и
щедро награждая за нихъ селянина (377).
Премудрая чувствуетъ необходимость осо-
бенныхъ законовъ для градскихъ жителей,
для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393),
для одобренія ихъ промышленности и трудо-
любія. Каждая мысль Ея о семъ предметѣ
есть важная истина для Законодателей.
«Торговля бѣжитъ отъ приписаній, и цар-
«ствуетъ тамъ, гдѣ она свободна; но свобода
«не есть самовластіе торгующихъ въ спра-
«вахъ вольныхъ: на примѣръ въ Англіи, они

«всего болѣе ограничены законами *; но законы «сіи имѣють единственною цѣлю общее благо торговли, и купечество въ Англіи процвѣтаетъ (317 — 322).» — Сей же родъ людей прославляетъ государство науками (377), имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣшущія села и грады должны бытъ безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей, копорые огнемъ и мечемъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей: образуется воинское состояніе, училище Героевъ, древній источникъ гражданскихъ опличій, названныхъ правами Благородства или Дворянства (365). Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнію, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особенными правами (361). Но чѣмъ же награждать война умирающаго на полѣ славы? Народная признательность изобрѣла средство бытъ вѣчною, награждая отца въ сынъ: почестъ важнѣйшая мраморныхъ памятниковъ! И такъ право наследственного Благородства есть священное для самого разсуд-

* О свободѣ торговли можно сказать то же, что о свободѣ политической: она состоитъ не въ томъ дѣлать все полезное одному человеку, а въ томъ дѣлать все не вредное обществу.

ка, для самой Философіи — и полезное для общества: ибо дѣти знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспитывающіяся въ долгъ заслуживъ ихъ личными своими достоинствами (374). Честъ и слава, по словамъ безсмертнаго Моншескье, есть сѣмя и плодъ Дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть опличіемъ сего рода людей (368), сихъ главныхъ спражей опечесства внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкопыхъ щасливыхъ поколѣній? Нѣтъ: добродѣтель съ заслугою сообщающъ Благородство (363), вѣщаетъ Екатерина — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ сослояній. Что можно пріобрѣсти достоинствами, то можно утратить пороками: Монархія означаетъ и шъ и другіе. Если человѣкъ, который долгое время былъ для согражданъ примѣромъ нравственнаго совершенства и любви къ опечесству, рукою Государя возводима на степенъ Дворянства: то можно ли стоять на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? Онъ свергается въ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетъ его сѣдомъ и безчестіемъ (371).

Глава о государственной Экономіи служишь

наставленіемъ для всѣхъ Монарховъ, утѣшеніемъ для всѣхъ гражданъ, доказывая первымъ, что они суть только хранилища общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утврждающъ шьмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платяшъ дань не Государю, а самимъ себѣ, или другъ другу. Если пастыри и земледѣльцы хошашъ, чтобы сѣада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для опраженія внѣшнихъ хищниковъ; если купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказатъ дерзостнаго оскорбителя ихъ флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе Двора, изображающаго величіе народа — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметъ общую пользу (576 — 580). Но Монархія желаетъ облегчить сію необходимость для народа и предписываетъ Законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныхъ богатства есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, реме-

сла, торговлю, художества, науки (603 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подъ мудрымъ перомъ Екатерины. Она первая изобразила всѣ великія должности оберегательной власти или Благочинія. Во многихъ земляхъ имя Полиціи означаетъ единственно наущниковъ Правительсва и ужасъ не только злыхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархиня превращаетъ ее въ благодѣтельное судилище нравовъ и порядка для всей Имперіи. Полиція, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренять, и даже предупреждать нравственное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостояніи народа, чистотѣ воздуха, здоровой пищѣ, твердости знаній, украшеніи городовъ и селъ, о пріятной удобности путешествіевъ, — наконецъ печется о бѣдныхъ и больныхъ. Сія дѣятельная часть Правительсва, — сей, такъ сказать, неусыпный Аргусъ его, не присвоивая себѣ уголовного и гражданского суда, исправляетъ людей легкими наказаніями, и спасаетъ порокъ отъ пресупленія (553 — 565).

Предложивъ въ семъ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, Екатерина заключаетъ его священными, премудрыми мыслями, копорыя, подобно Фаросу, въ теченіе временъ должны остерегать всѣ Монархіи отъ политическаго кораблекру-

шенія. Сograждане! да обновится вниманіе ваше; се гласъ вѣчной Судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій!

«Имперія близка къ своему паденію, какъ
«скоро повреждаются ея начальныя основанія;
«какъ скоро измѣняется духъ Правленія, и
«вмѣсто равенства законовъ, которые сосща-
«вляютъ душу его, люди захопляютъ личнаго
«равенства, несогласнаго съ духомъ законнаго
«повиновенія; какъ скоро преспануть чинишь
«Государя, начальниковъ, сшарцевъ, родише-
«лей. Тогда государственныйя правила называ-
«ющся жестокостію, ушавы принужденіемъ,
«уваженіе страхомъ. Прежде имѣніе част-
«ныхъ людей сосставляло народныя сокровища;
«но въ то время сокровище народное быва-
«етъ наслѣдіемъ частныхъ людей, и любовь
«къ опечесству исчезаетъ (502 — 566). —
«Что испребило наши двѣ славныя Дина-
«стїи, говоритъ одинъ Китайскій Писатель:
«то, что онъ, не довольствуясь главнымъ
«надзираніемъ, единственно приличнымъ Го-
«сударю, хотѣли управлять всѣмъ непосред-
«ственно, и присвоили себѣ дѣла, которыя
«должны бытъ судимы разными государствен-
«ными Правительствомъ. Самодержавство
«разрушается, когда Государи думаютъ, что
«имъ надобно изъявлять власшь свою не слѣ-
«дованіемъ порядку вещей, а премъною онаго,
«и когда они собственныя мечшы уважаютъ
«болѣе законовъ (510 — 511). — Самое выш-
«нее искусство Монарха состоить въ томъ,

«чтобы знашь, въ какихъ случаяхъ должно
«ему упопрѣбиль власть свою: ибо благопо-
«лучіе Самодержавія есть опчаспи крошкое
«и снисходительное правленіе. Надобно, что-
«бы Государь только ободрялъ, и чтобы од-
«ни законы угрожали (513 — 515). Неща-
«спливо по государству, въ кошоромъ никто
«не дерзаетъ представить своего опасенія въ
«разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно
«объявить своего мнѣнія (517). — Все сіе не
«можешь понравиться ласкашелямъ, кошорые
«безпрестанно твердятъ земнымъ Владыкамъ,
«что народы для нихъ сущесствуюшъ. Но
«Мы думаемъ, и за славу Себѣ вмѣняемъ ска-
«зать, что Мы живемъ для нашего народа.
«Сохрани Боже, чтобы, по совершеніи сего
«законодательства, какой нибудь народъ на
«землѣ былъ щасливѣе Россійскаго! Тогда
«не исполнилось бы намѣреніе нашихъ зако-
«новъ: — несчастіе, до кошораго Я дожить
«не желаю (520)!»

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно по же
чувствуешь. . . . . Сograждане! сердце мое
трепещетъ опъ восторга: удивленіе и благо-
дарность производятъ его. Я лобызаю Дер-
жавную руку, кошорая, подъ божесственнымъ
вдохновеніемъ души, начертала сіи священ-
ныя спроки! Какой Монархъ на тронѣ дер-
знулъ — шакъ, дерзнулъ объявить своему на-
роду, что слава и власть Вѣнценосца должны
быть подчинены благу народному; что не
подданные сущесствуюшъ для Монарховъ, но

Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять его смѣлостъ съ великодушіемъ самодержавной Екатерины, Которая, утверждая престола на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лестъ, которая вѣшется и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нѣтъ! гнусный гадъ, пресмыкаясь во прахъ, не ужалилъ орла, подъ небесами парящаго! . . . И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгъ произнесенныя слова: «сохрани Боже, что-бы какой нибудь народъ былъ щасливѣе Россійскаго!» не суть ли изліяніе и торжество спростной добродѣтели, которая, избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, спремится къ нему съ пламенною ревностію, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что считаетъ? Такъ, Екатерина преломила бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, есѣли бы они не служили Ей средствомъ ошаспливить Россіянъ!

Ея Наказъ долженствоваль бытъ для Депутатовъ Аріадниною нитію въ лабиринтъ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содержишь въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу главныхъ успавовъ, политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи. . . . Но Турецкая война воспылала, и Монархиня обратила Свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правды; скажемъ — что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ шой зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбися тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общаю? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласишься, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ опкровеніяхъ Генія. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколько трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія спрасей, обратиться къ добру ихъ бурное стремленіе, или остановить швердыми оплошами, согласишь частную пользу съ общаю; наконецъ — послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ копорыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ

Синайской, съ невидимымъ Божесствомъ сообщается — спустишься въ обыкновенную сферу людей, и тончайшую Метафизику преобразишь въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ Ея благопворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть Законодательницею Россіи.

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ щастливаго мира Екатерина обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и которое, мало по малу, удивительнымъ образомъ премѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные нравственныя возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра Великаго было доспапочно для скорого производсва дѣлъ, то во дни Екатерины уже не отвѣшествовало новымъ потребностямъ Россіянина. Сograждане! опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: «что быстрые шаги человѣка къ Философіи

«и къ гражданскому совершенству до нѣлкого-
«раго отдаленія бывають самыя безпокойныя.»
Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть ши-
хое, заросшее правою бласю, копорого сон-
ныя воды не знаютъ никакого бурнаго вол-
ненія; но первые лучи Философіи, пробуждая
мысленную силу, раждають сомнѣніе за со-
мнѣніемъ, копорыя волнуютъ душу въ Океа-
нѣ неизвѣстности: время заблужденій и дерз-
кихъ системъ! Но вихрь наконецъ ушихаетъ,
и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для
себя щасливую пристань, гдѣ тишина и
мирныя наслажденія ожидаютъ его. Такъ и
въ гражданскихъ обществахъ. Легко Законо-
дателью управлять народомъ грубымъ и полу-
дикимъ, копорого нужды, понятія и спра-
спы малочисленны; копорого душа недѣлшель-
на и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражда-
нинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгаетъ къ
человѣческой управѣ, нежели къ гражданской;
тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ шя-
жебныхъ. Но когда гражданинъ, шакъ сказашъ,
осмотрится въ политическомъ обществѣ; ког-
да, узнавъ новыя потребности, новыя выго-
ды шяжанія, онъ уже привыкнетъ ко вла-
спы законовъ, отнимающихъ и дающихъ: то-
гда раждается охота къ шяжбамъ, раждается
ябеда, сія хитрость простыхъ, копорая, без-
покоя другихъ, сама себя изнуряетъ, и спре-
мась къ неправымъ пріобрѣшеніямъ, ведетъ
за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣ-
щенія исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣ-

зни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія щасливая переменѣна не совершится, Законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со временъ Петра Великаго до царствованія Екатерины число тяжбныхъ дѣлъ безпрестанно возрасло, и Монархиня должна была установить новыя судилища *.

Но творенія великихъ умовъ, подобно твореніямъ Природы, не ограничивающа благомъ единого рода, и новое Учрежденіе Екатерины представляетъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія есть ввести въ правленіе всѣ при гражданскія состоянія, приучить людей къ законовѣднію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благѣ. Всякой можетъ быть судіею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственныя; всякой для своей безопасности избираетъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкопорымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаетъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратится онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, если не исполнитъ обязанностей чести.

* См. Манифестъ при Учрежденіи.

Монархиня повелѣла — и Россія, дошолъ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Нашуры или слѣпаго случая, пріяла видъ гармоническаго размѣра, подобно шворенію совершеннаго Искусства; частіи сравнялись между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее пространствомъ. Монархиня повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфіонова, шворишь новыя грады, есшлы не великолѣпнѣмъ художества, шо своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разсшавашься съ мирными Пенашами, чшобы въ опдаленіи искашь защиты опъ пришѣснителя, суда на хищнаго сосѣда, или пошребносшей для жизни своей. Уже каждое селеніе означешъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пасшыря и орашая; гдѣ шорговля удовлетворяешъ ихъ главнымъ пошребносшямъ, и гдѣ свободно мѣняющся они плодами шрудовъ своихъ. Благоразумный Полишкъ видишь въ начальномъ недосшашкѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богашство. Такъ юное древо, съ шрудомъ пробиваясь сквозь швердыя глыбы земли, едва, едва примѣшно на ея зеленой поверхности; но время возвышаешъ его — и величешвенный дубъ осѣняешъ землю.

Сии округи, заключаая въ средошочіи своемъ столицу Губерніи, кошорая управлешъ ихъ полишическими дѣйшвіями, предшавляющъ образъ различныхъ семействъ подъ началь-

спвомъ единого, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ благословенную власть обща *. Ходатай за пользу общую и государственную, заступникъ угнетенныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судія, онъ наблюдалъ теченіе правосудія, движеніе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконіе, относясь или въ Сенатъ или къ Самой Монархинѣ; претѣкалъ всякаго роду злоупотребленія, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу должныствовали бытъ его главнымъ свойствомъ **. — Монархическое Правленіе пребуешь такого соединенія исполнительныхъ властей въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытностію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства установить Префектовъ, которые суть не что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было совсемъ новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто, ограниченное исполнительною властію, безъ всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно опдѣлить сію власть, чтобы главное Мѣсто въ Губерніи не присвоило се-

* Сія благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернаторовъ.

** См. Учрежденіе.

бѣ опаснаго самовластія; и такимъ образомъ оно не можешь предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, которые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по уставамъ; но требуешь отъ нихъ скорости, наказываешь пенею нерадивую медленность; и въ случаѣ неисправленія предаешь виновнаго законамъ: слѣдственно имѣешь всѣ способы благотворить обществу, не вмѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединялись дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ затрудняли ихъ: Монархиня опличила гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производства: ибо единство упражненій научаетъ Судію быспрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ нити правосудія, которыя соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двойныхъ. Сіи Палаты, имѣя права Коллегій, судятъ въ средопочіи Губерній; нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправдѣ, пресѣкается.— Государственные пользы, ввѣренныя Казенной Палатѣ (которая дѣйствуетъ, такъ сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельство, знаетъ

особенныя выгоды своей Губерніи, и не раз-
влекаешся уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вторичным сбором прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, копорые, подобно небесному Провидѣнію, пекушся о беззащитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, копорое благошворитъ несчастнымъ жертвамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ рабочими домами (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать, исправленія гражданскихъ пороковъ — и наконецъ Совѣстный Судъ, копорый есть *человѣколюбіе правосудія* (божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останувшися въ Россіи вѣчнымъ памянникомъ того, что некогда Добродешель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и нравственное дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія долженствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со временъ Петра Великаго служило мечемъ отечеству до изнеможенія силъ своихъ; тогда подъ знаменами воинскими, въ шумныхъ сранахъ, среди опасностей и сраженій, надлежало искашь почтенныхъ сыновъ Россіи. Великій Императоръ, образуя армію, хотѣлъ,

чтобы опличенные гражданскими правами опличались ревностію и служили до послѣдней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельство перемѣнились. Уже Россія могла обойтись безъ сего принужденія, и Петръ III заслужилъ благодарность Дворянства, оказавъ довѣренность къ его свободной патриотической ревности. Съ того времени провинціи и села оживились присутствіемъ многихъ Благородныхъ, которые могли съ честію оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, которая пріятнымъ образомъ напоминала имъ воинскую дѣятельность, были единственнѣйшимъ ихъ занятіемъ. Россія, особливо въ отдаленныхъ частяхъ своихъ, представляла картину Феодальныхъ вѣковъ Европы, когда всякой владѣлецъ казался отдѣленнымъ отъ государства составомъ; и если бы шажбы, раждаемыя грубымъ корыстолюбіемъ и самою праздностію, не давали иногда чувствовать нашимъ Дворянамъ зависимость ихъ отъ Правленія, то они могли бы нѣкоторымъ образомъ забыть отношенія гражданина къ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патриотизма.

Но открытіе Намѣстничества открыло Дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго започенія, соединило въ общество, болѣе познакомило между собою

и возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ. Прежде любопытные иностранцы находили въ Россіи пустыя, унылыя города, гдѣ пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь къ каждой Губерніи находятъ они цвѣщую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присутствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что обширныя степи и лѣса не служатъ въ Россіи преградой для успѣховъ свѣтской людкости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность и самому недосматку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостію въ своихъ помѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власи, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое общество.

Прежде человѣколюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь, въ новомъ

порядкъ вещей, нашелъ онъ болѣе возможности образоватъ умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почпи для всѣхъ Дворянъ, избираемыхъ въ должностъ, назначила мѣсяцы отпусковъ въ самое то время, когда сельскія работы пребываютъ глазъ помѣщика. Ссылаясь на опытъ, спрашиваю: не процвѣло ли въ наше время и самое земледѣліе въ Россіи? Сіе изъясняется двумя причинами: во первыхъ открылись новыя способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; во вторыхъ Дворяне, чрезъ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшіе способы земледѣлія, и старинныя предразсужденія (ибо оно также имѣетъ ихъ) уступили мѣсто новѣйшимъ полезнымъ опытамъ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію Намѣстника. Сіи гнусныя, но къ утѣшенію добраго сердца малочисленные тираны, которые забывающъ, что бытъ господиномъ есть, для истиннаго Дворянина, бытъ опцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во мракѣ; лучъ

мудраго Правительсва освѣшилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвласныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патристическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой переменѣ — и для чего, сверхъ боязни, не признать намъ въ семъ случаѣ и спасительнаго дѣйствія лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *Окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многочисленіе *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собраніе плодовъ Россійской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ *Дворянствомъ* болѣе просвѣщеннымъ, утратили прежнюю свою грубость, и богатый купецъ, видя предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣтно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелію отъ плуга на ступени *Оемидина* храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, должныствовали съ пріобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духъ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; должныствовали, возвращаясь подъ домашній кровъ свой, быть опытными совѣтниками и миротворцами поселянъ.

Успокоенію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію дорогъ и уменьшеніемъ

всякаго рода безпорядковъ. Давно ли еще путешественникъ шепталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? давно ли внезапный шумъ листвьевъ ужасалъ его сердце? Давно ли дикіе, уединенные грошны были вершепомъ разбойниковъ? Но дѣятельная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе опечесство злодѣевъ; истребила ихъ шайныя убѣжища, и обнимая всемѣстность взоромъ своимъ, препяшесвуешъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не спрашится ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; теперь, подъ щитомъ невидимой власти, безопасно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и опечесство наше есть для него самая безопаснѣйшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ только главныя дѣйствія сего Учрежденія Екатерины, дѣйствія уже явныя: но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣшны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ, окажется шѣмъ благотѣельнѣе въ слѣдствіяхъ, чѣмъ народъ будетъ просвѣщеннѣе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовъ волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣтешъ или свирѣствуешъ, гдѣ столько необозримыхъ степей расплывается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ шѣнь на землю!

Я воображаю сіи едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жишелями, и думаю: «Екатерина, подобно Божеству, согласила «все словомъ Своимъ; опдаленные берега Ле- «довитаго моря предспавляющъ пошъ же госу- «дарственнѣй порядокъ, которому на брегахъ «величественной Волги или Невы удивляемся; «народы, столь различныя, правящя единымъ «успавомъ; чашши, шоль несходныя, всеоб- «щимъ Учрежденіемъ Монархини приведены «въ цѣлое, и безчисленныя страны Россійскія «соспавили разныя семейства единого опече- «ства!» Сія мысль восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сошворивъ хип- рое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ шворческой руки своей, но вни- машельно наблюдая, прибавляетъ, чего не доспаетъ къ совершенству онаго: шакъ Великая Екатерина, исполнивъ мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась опъ шрудовъ законодательныхъ, но спъшила увѣнчать ихъ новыми.

Успавъ Благочинія * содержишъ въ себѣ не шолько всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя свяшѣйшія пра- вила Гражданскаго нравоученія, столь лю- безнаго добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называемое *Зерцало Благочинія* естъ зеркало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обя- занностей, предложенныхъ съ шою ясною

* Обнародованный въ 1782 году, Апрѣля 8.

крапкоспію, копорая должна бытъ характеромъ законовъ, и копорая сколь неплодовиша словами, споль мыслями и опношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Ценсуры; оно предписываетъ ей не только устрашать злодѣйство, но и способствовать благодѣланію народа, питаетъ въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ несчастному: сіе первое движеніе существъ нравственныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели супруговъ, на любви родительской и неограниченномъ повиновеніи дѣшей *: ибо миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархія превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ столь мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего потеряется во мракъ вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душою, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ, дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ опечествѣ первую ограду Трона и особенное состояніе подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею,

* См. Зерцало Благочинія.

и сверхъ того занимають первыя мѣста какъ въ гражданскомъ , такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: Екатерина распространила ихъ полищическія дѣйствія ; но еще не доставало полного изображенія правъ Дворянскихъ , утвержденного Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. Екатерина обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляется Она и всѣ награды, которыми общество изъявило ему свою признательность. Монархиня именемъ Неба скрѣпляетъ святость , вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ. . . . .

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои братья, благородные сыны Россіи , попомки мужей имениныхъ! и мысленно развертывая предъ вами сію государственную хартию, на которой сіяютъ всѣ великія права Дворянства, вопрошаю: чего не достаетъ къ совершенству нашего гражданского благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монарха внимаемъ ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родовъ и право наследства сохранены, но мы по волѣ располагаемъ пріобрѣтеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ недра свои и тайныя сокровища; для насъ

пекушъ воды въ ея пространствѣ! И естѣли нѣкоторыя особенныя склонности влекушъ насъ въ климаты чуждые; естѣли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естѣли крошечное небо южной Европы общаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, опечесство не пресѣкаетъ намъ благодушельства; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; опшуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россіею *. Но естѣли полная мѣра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признапельны, и не забудемъ, что великія опличія приносятъ съ собою и великія обязанности; что Благородный есть или человекъ добродѣтельный, или поношеніе своего рода; что бытъ полезными есть первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь опечесству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

Екатерина, возобновивъ или умноживъ права наши, въ то же время обнародовала и *Городовое Положеніе*, которое навѣки утвердило *Среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и назначивъ въ ней раз-

* См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апрѣля.

ныя степени, увѣнчанныя наконецъ пшломъ Именишаго Гражданина, который имѣешь уже часть Дворянскихъ преимуществъ, и даешь внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приносишь съ собою новыя выгоды для общежитія, открываешь вблизи еще важнѣйшія, возбуждаешь ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и пылая честолюбіе, способствуешь государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и тайну гражданскихъ обществъ; знала, что самыя легкія опличія производяшь дѣла важныя; знала, что всѣ государственные степени, возвышаясь одна предъ другою, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже подаетъ руку Именишому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ Благородныхъ, оспавляетъ за собою лѣсшвицу для другихъ, ему подобныхъ. Если иноспранные Писатели донынѣ говоряшь, что въ Россіи нѣтъ *Средняго состоянія*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ, но скажемъ, что Екатерина даровала сему важному сослоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на *трудолюбіи* и *добрыхъ нравахъ*, и которое можетъ быть

упрачено пороками *; что Она первая поставила на его главную степень цвѣтъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарованіями **, и чрезъ то утвердила закономъ, что государство, уважая общественную пользу трудолюбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномерно уважаетъ и личные таланты, и признаетъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархиня производила въ дѣйство великія мысли Своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука поспешенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ щастіемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ опечесствѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось Екатериною ***. Глубокомысленный Полипикъ и Философъ видятъ предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою частію удивляетъ разумъ, свидѣтельствуетъ мудрость зодчаго, и должно повелѣвать вѣками. Если Великая не совершила его. . . . пожалѣемъ о крашкѣ вѣкъ смертнаго! Когда бы Монархи были только Законодателями, то Екатерина

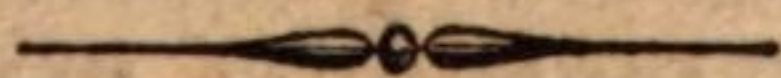
* См. Городовое Положеніе.

** Ученые и художники по сему закону имѣютъ право на достоинство Именистыхъ Гражданъ.

*** Указомъ 1786 года, Февраля 19.

безъ сомнѣнія успѣла бы образовашь Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя Полишика, внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощающъ ея дѣятельность, кошорая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ Историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ; и кошорая, подобно тонкимъ, едва замѣшнымъ нишамъ ручейка, мало по малу образуящимъ свѣшлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе наблюдашеля только чрезъ большее пространство времени, предсавляя картину народнаго щасія, удовольствія и порядка *.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т І Я.

Монархиня давала законы: Машъ подданныхъ благошворила полезными учрежденіями.

Сограждане ! сей огромный Домъ, кошорый

* Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ Екатерины: на примѣръ о межеваніи, о фабрикахъ, о таможенныхъ, о рудокопняхъ, о почтѣ, о сборѣ податей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея попечительность о пользѣ государства и гражданъ.

украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осыняя рѣку ея — сей Домъ, предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человечества — есть храмъ, посвященный Екатериною Милосердію! Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или спыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — пріемлются во священище добродѣтели, спасающся отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасающся и — что еще болѣе — спасающъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ несчастію не безпримѣрнаго! находятъ человеколюбивое призрѣніе; не только кровь и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благоспѣю вымышленные способы укрѣпляютъ ихъ здравіе, образовавъ душу, предупреждая физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, прогашельныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ, и осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ несчастіе сиротства; тамъ крошкая улыбка добродушной Надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердецъ щастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и пріучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству поле-

зныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, копорыя дѣлають человека независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи пишомцы Монаршей щедроты выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогащенные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ неперытіемъ и, шакъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избирають — и сей, нѣкогда опверженный младенецъ, спасенный Монаршимъ провидѣніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ Именишаго Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный письмоводитель въ домѣ Вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитанницъ Сиротскаго Дому находишь себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажущъ шѣ, копорыя путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человеколюбиваго Правленія — да скажущъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому Екатеринѣ? Какое другое благодѣтельное заведеніе можешь равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чшобы частные люди повѣряли ему драгоценную собственность охотнѣе, нежели первымъ

богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его сословіи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открыла истинному человеколюбію и патриотизму самый лучший способъ дѣйствія. Если вы, любимые сыны щастія, хошите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; если чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излишся въ благошвореніяхъ: то не на спогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ не рѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и соспрананіе; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принесите ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка: ибо Екатерина позволила вамъ благошворить вмѣстѣ съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтаетъ и украсится споричнымъ плодомъ для свяшой пользы человечества.

Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ сословіи имѣетъ сильное вліаніе на государственное благонравіе, основала, подѣ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлю и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и крошость должны ласкою образоватъ юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей; тамъ чув-

свѣдѣтельность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтающъ въ душѣ опъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестію свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣшей. Пріятныя женскія рукодѣлья, копорыя украшаютъ жизнь хозяйки — искусства Грацій, копорыя милую природу и совершенства ея дѣлающъ еще милѣе — входящъ шакже въ систему воспитанія. Екатерина любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, копорыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ее руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самыя характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣщущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щасливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доставляя юнымъ дѣвицамъ невинныя забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда нравоучительныя Драмы; славный Расинъ писалъ для Сенъ Сира: еще славнѣйшій

Геній Фернейскій * хопѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ Екатерины, Которая, занимая величіемъ Своимъ театр міра, съ веселіемъ занималась театромъ любезнаго дѣшства — и минушы, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно не потерянными для щастія минушами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало быть плодомъ сего учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бывающъ особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ. — Монархиня основала также и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго пишомицы приготавлиющія были хорошими, добронравными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остающія подъ особенною защитою Опекунскаго Совѣща **.

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; Екатерина даровала ей истинное бытіе, законы и права, взявъ ее подъ личное Свое покрови-

* См. переписку Екатерины съ Вольтеромъ.

** Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, уже не будучи одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго шворца ихъ, мало по малу теряютъ всю пользу; но Сиротской Домъ и Воскресенское Училище дѣвицъ имѣли щастіе найши новую Покровительницу въ Ея Величествѣ, Вдовствующей Императрицѣ, Маріи Феодоровнѣ, Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

тельство, въ совершенной независимости
отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней
воспитательное училище; ободряла таланты
юныхъ художниковъ; посылала ихъ въ отчиз-
ну Искусства, вникавъ въ красоты его среди
величественныхъ остатковъ древности, тамъ,
гдѣ самый воздухъ вливается, кажется, въ
грудь чувство изящнаго, ибо оно есть чувство
народное; гдѣ Рафаель, ученикъ древнихъ,
превзошелъ своихъ учителей, и гдѣ Микель
Анджело одинъ сравнялся съ ними во всѣхъ
Искусствахъ. Тамъ питомцы Россійскаго Ху-
дожества обогащались мыслями, и кисть и
рѣзецъ свой образовали по великимъ творені-
ямъ Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники!*
они творили — и первыя въ Европѣ Акаде-
міи хотѣли имѣть ихъ своими Членами. —
Съ того времени похвальный вкусъ къ худо-
жествамъ распространился въ Россіи; съ того
времени столицы наши гордящіяся великолѣп-
ными зданіями собственныхъ Архитекторовъ;
красоты живописи и ваянія расцвѣли въ на-
шемъ климатѣ, и Россіянинъ, не выезжавъ
изъ отечества, можетъ говорить объ Искус-
ствѣ. — Права, данныя Академіи, служащія
величайшею почестью, какую только Госу-
дарь можетъ оказать дарованіямъ: всякой ея
пиомецъ есть навѣки свободный человекъ
со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или
по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судимъ
другою властію; воленъ жить независимо сво-
имъ талантомъ, воленъ избрать всякую

службу , но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ Екатерина почпила въ Россіи и художества и свободу !

Кадепскій Корпусъ , учрежденный Императрицею Анною , производилъ хорошихъ Офицеровъ и даже Военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда Екатерина обрапила на оное шворческій взоръ Свой — умножила число пишомцевъ , надзирашелей; предписала новыя для нихъ законы, сообразныя съ челошкѡлюбіемъ, досшойныя Ея мудрости и времени. Военная строгость, кошорая доходила шамъ не рѣдко до самой крайности, обрапила въ прилѣжное, но крапкое надзираніе , и юныя сердца, прежде ожешпочаемыя грозными наказаніями , исправлялись опъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдешельнаго наспавленія. Прежде Нѣмецкій языкъ, Математика и Военное Искусство были почпи единешвеннымъ предметомъ науки ихъ: Екатерина прибавила какъ другіе языки (особливожъ совершенное знаніе Россійскаго), шакъ и всѣ необходимыя для государешвеннаго просвѣщенія науки , кошорыя , смягчая сердце , умножая поняшія челошкѡ, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера: ибо мы живемъ уже не въ шѣ мрачныя, варварскія времена, когда опъ война шребовалось шолько искусства убивашъ людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность

считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любящъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣваютъ, а не тиранствуютъ; храбры въ огнь сраженія и пріяшны въ обществѣ; полезны отечеству шпагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархія, и Корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ, они въ то же самое время слушаютъ и нравоученіе, которое доказываетъ имъ необходимость гражданского порядка и законовъ; исполняя справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами пріобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія Цесаря, Моншекукулли или Фридриха, переводятъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя раскрываютъ въ душѣ чувствительность; читая Исторію войны, читаютъ Исторію и государствъ и человека; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродѣтелію Сократа; привыкаютъ ко грому страшныхъ орудій смерти, и плѣняются гармоніею нѣжнѣйшаго Искусства; узнаютъ и быстрые воинскіе марши и живописную игру плѣдженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріяшную наружность человека. Просная, здравая пища, мѣра трудовъ и отдыха, раздѣленіе часовъ на

разныя упражненія, соотвѣшсшвенныя каждому особенному возрасту, были предписаны Екатериною по лучшей физической и нравственной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спаршанскаго, но самаго приспойнтѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Пишомцы выходяшъ исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми для свѣща, съ характеромъ и съ правилами, имѣющими щасшливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

Екатерина съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣшей въ Россіи поручаешся родителами иностранцамъ, копорые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ нравовъ, духа народнаго, и копорые, не имѣя къ опечесшву нашему сыновней любви, не могушъ вселяшъ ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывашъ, вмѣстѣ съ Кадешами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣшей, желая, чтобы они могли со временемъ посвяшишъ себя званію учишелей и замѣнишъ иностранцевъ. Уже многіе изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарносшъ родителей и самаго опечесшва.

Здѣсь справедливая народная признашельносшъ пребуешъ наименовашъ того мужа, котораго главною спрасшю было способшвовашъ успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и копорый служилъ Екатеринѣ первымъ орудіемъ

для исполненія Ея благошворныхъ въ семь великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣшелоу, не блестящею и не громкою, копорая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди спремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не спрашивалась никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою бышъ помощникомъ Екатерины, радовался своими трудами, и будучи спрогимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и пребуя, сей другъ человечества умѣлъ заслужить любовь и надзирашелей и пишомцевъ: ибо пребовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судія, ешъ конечно украшеніе и честь государствъ; но благодѣшель юности не менѣе ихъ достоинъ жишъ въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской * обязаны Екатеринѣ нынѣшнимъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Первый образовалъ многихъ искусныхъ Офицеровъ, копорыхъ и самые гордые Англичане уважаютъ. Чшобы сообщить лучшимъ пишомцамъ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ чрезвычайныхъ феноменовъ сей величественной стихіи, Монархиня посылала ихъ въ опдаленности Океана, въ другія части міра, и молодые Офице-

* Онъ прежде назывался Школою.

ры Россійскіе имѣли славу повелѣватьъ старыми мореходцами Альбіона *. — Корпусъ Аршиллерійской производишь лучшихъ Инженеровъ для нашихъ армій.

Греческое Училище, основанное для юныхъ потомковъ древнѣйшей Республики, копорыхъ опцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному страху и рабству подъ желѣзнымъ скипетромъ Опшоманскимъ, было также памяшникомъ Ека терининой благодѣшельности. Тѣ, копорые въ несчастномъ опечесствѣ своемъ не узнали бы, можешъ бышь, никогда славной его Испоріи, великихъ именъ ея, и самага древняго языка ихъ, научались во глубинѣ Стѣвера гордиться своимъ происхожденіемъ. Во градъ Свяшаго Пешра воскресали для нихъ священныя шѣни Героевъ и мудрецовъ Греческихъ; во градъ Свяшаго Пешра юныя сердца ихъ бились при имени Термопилъ и Марафона; во градъ Свяшаго Пешра они бесѣдовали съ Плапономъ и Ксенофоншомъ; воображая древнюю славу Греціи, спремались душею къ свяшымъ мѣспамъ ея; воображая насоящее униженіе спраны ихъ, радовались пребыванію своему въ спранѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они дома — они въ опечесствѣ славы **!

Такимъ образомъ Монархиня благошворила

* См. Указъ 1762 году о Корпусахъ. — Многіе наши Офицеры, какъ извѣстно, служили на Англійскихъ корабляхъ.

** Еще учреждены Монархинею Горное, Лекарское и Судоходное Училища.

юности и человѣчеству въ своей Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щасливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая свящую нравственность главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителемъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспитаніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными *. Одна истинная Мать народа, повсюду, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣшей въ государствѣ.

Мать народа . . . конечно! . . . Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще трогательное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ Екатерины. Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; успановила Медицинскую Коллегію, и предписала ей ** не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстные свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ Россійскихъ, и всякое полезное открытіе немедленно обнародовать для общаго блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый ядъ въ крови, съ

* См. главу о воспитаніи въ Наказѣ.

** Прежде была Медицинская Канцелярія.

кошорымъ почти родяшся младенцы, обнаруживаясь въ своей жестокости, похищаль въ Россіи едва ли не большую часть дѣшей, и на самыхъ спасенныхъ рокомъ оставлялъ страшные знаки своей свирѣпости и безобразія. Уже извѣстно было въ Европѣ средство избавленія; но Россія не пользовалась симъ благодѣтельнымъ открытіемъ; страшась новости, не извѣданной очевиднымъ опытомъ. Что одна мать можетъ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то Екатерина сдѣлала для Своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ оспу! . . . День незабвенный для родившихъ, обязанныхъ ему спасеніемъ дѣшей и милою ихъ красою! Благодарная Россія по справедливости его торжествовала — и чувствительный отецъ семейства никогда торжествовать не перестанетъ. Онъ украситъ розами дѣшей своихъ, и поведетъ ихъ въ священный храмъ молишь за Екатерину. Она собственнымъ опытомъ заставила насъ прибѣгнуть къ щасливому средству, и съ того времени мы не боимся ужаснѣйшей эпохи въ физическомъ бытіи нашемъ.

Еще Монархиня не ограничила системы государственнаго просвѣщенія введенными Ею воспитательными обществами, какъ для Благороднаго, такъ и для мѣщанскаго сословія. Лучи солнечные теряютъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкоторыхъ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихъ дѣйствовать.

Екатерина учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — Народныя училища, чшобы разлишь, такъ сказать, богашство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроишь ихъ, предписашь способы ученія, издавашь полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, копорыя возбуждающе охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служащъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи школы, образуя учениковъ, могутъ образовашь и самыхъ учителей, и такимъ образомъ бышь всегдашнимъ и время опъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ — и должны бышь полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, копорый дѣшамъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, арифметическія числа, и рассказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая нравственныя капики, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку бышь добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Метифизика, копорого глубокомысліе и тонкоуміе самымъ Ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физиолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Естли въ городахъ,

едва возникающихъ, въ семъ новомъ твореніи Екатерины, еще не представлялось глазамъ ни палащъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: по въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства, взоръ Папріюша читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархинею среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тошъ любилъ и восхвалялъ Просвѣдительницу опечесства, видя и слыша, въ спѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителемъ нѣкошорыя просшыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тошъ день опъ своего учителя.

Словесность, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страны въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: занимается изящными мыслями, наслаждается твореніемъ стройнаго воображенія, изліяніемъ сердца — Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Екатерины: ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и счастье жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное опличіе — и славная

Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Русскихъ стихахъ оживилъ Го-рація, и представилъ новыя сильныя черпы піишической живописи. Богдановичъ своими цвѣ-тами осыпалъ Лафоншенову сказку, и въ легкомъ слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе Сти-хотворцы явились — и Екатерина, дерзну-сказашъ, была для нихъ Музою: душа ихъ пыла-ла Ея славою, и хваля Премудрую, они не боя-лись казашъ льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархиня, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣ-стно, что Екатерина, плывя по величе-ственной Волгѣ, въ то самое время, когда силь-ная буря устрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указывала Русскимъ Авторамъ новые предмѣты, вредные пороки общества, копорые должны осмѣивашъ Таліи, — черпы характера народнаго, копорыя пре-буюшъ кисти таланта; писала, для юныхъ Ошраслей Августѣйшаго Дому Своего, нраво-учительныя повѣсти; но всего болѣе, чув-ствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя, что сія Исторія должна нѣко-гда украсишъ и возвеличишъ Ею!) зани-малась Россійскими лѣтописями, изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ фило-софскими мыслями, и драгоцѣнные труды Свои для Публики издавала. Желая присво-

ишь Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся — и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкъ нашемъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чшобы утвердить Русской языкъ на правилахъ и привести въ систему, Монархиня основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторовъ. Царствование Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя спрофы: второй имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и остроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэты не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли ясно для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ: ибо Монархиня Сама имѣла его и любила нашу Словесность; и есшлы Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, кошорый одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величіи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочишаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ

любовію призывають его для торжества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила Свой благодѣянiя, и славу Свою возвышала, такъ сказать, славою всѣхъ ошмѣнныхъ дарованiй, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ Екатерины, и горѣли ревностію величать Ту, копорая воцарила съ собою Философію, и шайныя желанiя мудраго челоѡколубiя обрашила въ государственные усшавы. Вольперъ жалѣлъ, что старость на позволяла ему видѣть *Сѣверную Владычицу сердецъ*. Пылкій Дидеротъ спѣшилъ лично изъѣѡишь Ей свое удивленіе. Плиній Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобришельное слово Екатерины ему драгоцѣннѣе похвалъ Академическихъ *. Даламберъ славился Ея милостію болѣе, нежели именемъ глубокомысленнаго Мапемашика. Европа съ удивленіемъ чишаешъ Ея переписку съ ними — и не имъ, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знанiй! какое проницаніе! какая тонкость разума, чувствъ и выраженiй! Та, Копорая испошила Своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою прiяшностію хвалишь цѣшны Словесности, игру остроумiя, тонкую черту сердца. Сколь шрогашельно

* См. Сешелево путешествованіе въ Монбаръ.

такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но унижается ли Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго прона, становится на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, плащитъ дань уваженія любимцамъ Природы, опличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можешь ли еще служишь нѣкопорою опорою для полишической власпи? По крайней мѣрѣ она можешь бытъ ея орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣческаго. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, Кошорый, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами челоувѣкъ* *! Такъ думала и Великая Екатерина.

Въ Ея царствованіе Россійская Академія Наукъ еще болѣе пріобрѣла знаменитыхъ Членовъ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для опеческа, вопервыхъ ежемѣсячными сочиненіями, кошорыя, будучи магазиномъ историческихъ и другихъ любопытныхъ свѣдѣній, распространяли ихъ въ государствѣ; во вторыхъ путешествіями ея Профессоровъ по всѣмъ обширнымъ странамъ Россіи: намѣреніе великое, достойное Екатерины! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная въ ученой Исторіи нашего государства и цѣлаго міра! Сии избранные мужи должны были отъ береговъ Невы до горъ Рифейскихъ, до морей

* Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они читали другъ друга.

Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію въ трехъ царствахъ Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещеръ и лѣсовъ дремучихъ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣчало за шворческою Нашурою, гдѣ она искони дѣйствовала уединенно или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислилъ минералы въ нѣдрахъ земли, распѣнія на зеленыхъ коврахъ ея, живописныхъ въ трехъ стихіяхъ, и такимъ образомъ собралъ богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархиня желала, чѣобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые опѣ сѣранъ Азіи переходили Россію, сами исчезли, но оставили знаки своего печенія, подобно рѣкамъ изсохшимъ; желала, чѣобы они въ развалинахъ, среди оспашковъ древности, какъ бы забытыхъ временъ, искали ошкровеній прошедшаго; чѣобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая языки, происхожденіе и смѣсь оныхъ; чѣобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Исторіку и Моралисту новыя свѣдѣнія, а Законодателю новыя средства благодѣянія. — Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопытные читающъ съ

удовольствіемъ и пользою описаніе сихъ путешествій.

Московскій Университетъ, подъ начальствомъ Шувалова (кошорый всегда будешъ знаменитъ шиломъ основателя его и Ломоносова Мецената) во время Екатерины болѣе нежели прежде благошворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе Ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовашъ въ трудахъ его, наставляшъ юношество, пишашъ въ немъ охоту къ наукамъ, и воспаляшъ благородное соревнованіе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь Екатерины къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрасшала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И есшлы мы видимъ нынѣ шоль многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; есшлы слогъ приказный уже не всегда успрашаешъ насъ своимъ варварствомъ; есшлы необходимыя правила Логики и языка соблюдающа не рѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ; есшлы Министерство находишъ всегда довольно юношей, способныхъ бышъ его орудіями и служишъ опечеству во всѣхъ часяхъ своими знаніями: то государство обязано сею пользою Московскому Университету; Универ-

сипешъ же обязанъ сею великою славою Е к а-
т е р и н ѣ и духу Ея царствованія.

Чтобы еще болѣе размножить народныя
свѣдѣнія чрезъ книги, Она дозволила заведеніе
вольныхъ Типографій, учредивъ благоразум-
ную Ценсуру, необходимую въ гражданскихъ
обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться
отъ истины, подобно какъ сердце отъ доб-
родѣтели, и неограниченная свобода писанья
столь же безразсудна, какъ неограниченная
свобода дѣйствованья. Но какъ мудрый Зако-
нодатель, избѣгая самой шѣни произвольнаго
тиранства, запрещаетъ только явное зло, и
многія сердечныя слабости предаетъ единому
наказанію общаго суда или мнѣнія: такъ Мо-
нархія запрещенію Ценсуры подвергала толь-
ко явный развратъ въ важнѣйшихъ для граж-
данскаго благоденствія предметахъ, оставляя
здравому разуму гражданъ оплечать истины
отъ заблужденій; то есть, Она сдѣлала ее
не только благоразумною, но и снисходи-
тельною, и сею довѣренностію къ общему
суду приобрѣла новое право на благодарность
народную.

И такъ чудно ли, что Россія, въ 34 года
дѣятельнаго царствованія, котораго главною
цѣлію было народное просвѣщеніе, столь пре-
образилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ,
что опцы наши, если бы они теперь вос-
кресли, не узнали бы Россіи? Если сердце
Государей въ рукъ Провидѣнія, то сердца на-
родовъ въ рукъ Государей: что могло устоять

прошивъ неушомимаго въ благошвореніяхъ
Правишельства, которое дѣйствовало на под-
данныхъ и славою внѣшнихъ успѣховъ, и му-
дрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми
средствами просвѣщенія? Что могло не поко-
ришься всемогущей и благой волѣ, пылавшей
шою огненною ревностію, которая бываетъ
главнымъ свойствомъ великихъ душъ, истин-
ныхъ подобій Божества? Екатерина, воз-
веденная Самимъ Небомъ на пронъ едва не
безпредѣльной въ міръ Имперіи, не ужаснулась
безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, свя-
щенныхъ для добродѣтели; но почувствовала
вдохновеніе геройскаго сердца, которому все
возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помога-
етъ ему. Чувство каждой должности ражда-
ло въ Ней стремленіе и силу исполнить ее —
и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ шеаш-
ромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для Екате-
рины истиннымъ опечесствомъ, нѣжно лю-
бимымъ: ибо опечество для душъ великихъ
есть та сшрана, гдѣ онѣ могутъ дѣйство-
вать; ихъ ближніе суть тѣ люди, кошо-
рыхъ могутъ онѣ шворить щасшливыми.
Чѣмъ болѣе Монархиня шрудилась для Россіи,
чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою,
тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ
Своихъ благодѣній; и каждое благодѣніе
было для насъ залогомъ новаго. Сograждане!
я изъясню теперъ общее наше чувство:
скажише, что великое могло наконецъ уди-
вить насъ въ дѣлахъ Екатерины? Не все

ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естественнымъ, даже необходимымъ? Приученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ бы нечувствительны къ дѣламъ Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце разумѣетъ меня, о сограждане! я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноватъ ли смертный, естли Небо, открывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу нашей любви, признательности, самому удивленію; естли, даруя Своимъ орудіямъ нѣкопоруую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ шѣсномъ кругу человѣчества?

Сія геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ проицаніемъ, копорое предспавляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и по тому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Полишкѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе ошаспливить народъ можетъ родить бѣдствіа, естли оно не слѣдуетъ правиламъ оспорожнаго благоразумія.

Сограждане! я напому вамъ Монарха, ревностнаго къ общему благу, дѣшельнаго, неушомимаго, копорый пылалъ спраспю челоуколюбія, хопѣлъ уничпожишь вдуругъ всѣ злоупопребленія, сдѣлашь вдуругъ все добро, но копорый ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ гореспю, что онъ госуларство свое не приближилъ къ цѣли полишическаго совершенсшва, а удалилъ опъ нее: ибо Преемнику, для возспановленія порядка, надлежало всѣ новоспи его уничпожишь. Вы уже мысленно наименовали Юсифа — сего нещасшнаго Госуларя, достойнаго, по его благимъ намѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служишь шѣнію, опъ копорой мудросшь Екашерины шѣмъ лучезарнѣе сіяешъ. Онъ былъ нещасшливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она во всемъ щасшлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — опспупалъ назадъ: Она безпрерывными шагами шекла къ Своему великому предмету; писала успавы на мраморъ, неизгладимыми буквами; шворила во-время, и пошому для вѣчноспи, и пошому никогда дѣлъ Своихъ не передѣльвала — и пошому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась щастію Екашерины: Европа справедлива, ибо мудросшь есть рѣдкое щастіе. Но кто думаешъ, что шемный, неизъяснимый случай рѣшишь судьбу госуларства, а не разумная или безразсудная система правленія, шопъ по край-

ней мѣръ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархини, Которыя всѣ войны были завоеваніями и всѣ успавы щастіемъ Имперіи, изъясняеяся только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа Екатерины была шверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чшобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сograждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ Московскихъ, и скоро послѣ безумный, яроспный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники Екатерины, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною. . . тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего опдаленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ прона на градъ сполічный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она опвѣстивуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который,

видя у врагъ своихъ непріятеля, повелѣваешь Консулу ийти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, пѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышишь о новыхъ! . . . Сograждане! я уже говорилъ о той минушѣ, когда Монархиня въ увеселишельномъ Дворцѣ Своемъ спокойно исчисляла выспрѣлы кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами опечесства: Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписатьъ намъ миръ: но Екатерина непоколебимая даровала оный Гусшаву, а Пишшъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смиришья. — Сія-то рѣшишельная пвердосшь принудила всѣ Кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависѣшь отъ нашей Монархини, и всѣ пракшаты Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на прои нѣ нѣжную чувспвишельность Своего пола, которая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности просишь, миловашъ; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная крошость сердца! украшая человѣчество во всякомъ соспоаніи, ты поржесшвуешь на престолѣ! Каждое движеніе твое есть тамъ спасеніе людей — и зрѣлище виновнаго, побою сохраненнаго и помилованіемъ исправленнаго, есть преле-

спный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудіе не можешь быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; не пресупала ее, и Царскимъ долгомъ побуждала нѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было ли чтонибудь оскорбительное для человѣческой гордости, чтонибудь пятоспное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя усшавамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и повинаясь, не знали принужденія. Она прелесными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговѣя предъ Обладательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали Екатерину, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію чловѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ прѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Екатерину! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались

неоцѣненнымъ щастіемъ видѣть и слышать Ее, когда Она опъ величія снисходила къ любезности, и какъ бы престававшая бытъ Монархинею, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружеспвенной искренности, среди доспойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для васъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе входить не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякой для себя могъ занимашся удовольствіями общества! вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, копорые вамъ казались минушами, и въ копорые ласковыя слова Ея, простое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присущствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заспавляли васъ по-забывашъ Самодержицу и восхищашся одною неизъяснимою прелестію ума Екатерины.

Сія прогашельная,, любезная мысль успунаешъ мѣсто еще любезнѣйшей: Мать опечеспва была и самою нѣжнѣйшею маперію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можетъ предспавишь себѣ Монархиню, Копорая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія Ошрасли Императорскаго Дому, и Копорая, прерывая нишъ великихъ полипическихъ мыслей, оспавляя на минушъ заботы правленія, опдыхаетъ сердцемъ въ семейспвенныхъ радостяхъ, и, шакъ сказаъ, дополняетъ ими щастіе добродѣтельной Монар-

хини? Если обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизъяснимое щастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ нею; когда Она видѣла предъ Собою и совершенство Ангельской красоты и нравственное совершенство, и надежду любви Своей и надежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла Екатерину для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности, такъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ Имперіи, ежедневно занимаясь и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ; находить время для внѣшнихъ Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особенной переписки, ученыхъ трудовъ, для самыхъ женскихъ прелестныхъ рукодѣлій (ибо Она любила иногда напоминать себѣ простою Пенелопина вѣтка) — и наконецъ для пріятнаго отдохновенія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чудесная сила есть *духъ порядка*, благотворительный для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе, обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкопорымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла зашмишь самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла единой Государыни могли бы прославишь многихъ Государей.

И слава Екатерины принадлежишь Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодаршелейный; но Сюлли споишь подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мѣрѣ, былъ его Министромъ! Екатерина, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ опѣ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяють опѣ солнца; Она опличала нѣкоторыхъ, и сіе опличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при Екатеринѣ возвышеніе человека, котораго нравственное и патриотическое достоинство служишь еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знаменъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судишь о немъ безпристрастно; зависишь и неблагодарность суть два главные порока человеческого сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проницательный; разумѣлъ великія намѣренія Екатерины, и пошому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственно твореніемъ ума Екатерины. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россія имѣла ща-

стіе бытъ управляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины.

Но щасіе можетъ ли казаться долговременнымъ? . . . О сограждане! Небо просишъ намъ несправедливостъ нашу, когда мы, пораженные ударомъ, забыли непремѣнные успавы Природы; забыли, что Великая успѣла осыпашъ насъ благодѣянїями на теченіе вѣковъ, и дерзали обвиняшъ Провидѣніе, что Оно шоль скоро лишило наше опечесство Матери, и шоль внезапно: ибо Екатерина не умирая, не приготовивъ насъ страхомъ къ сему несчастію, въ одно мгновеніе сокрылась духомъ отъ земли и Россїи! Обольщенные безсмертіемъ дѣлъ Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечеръ жизни опцевъ нашихъ, должна была царствовать и для благоденствїя нашихъ дѣшей! Она оставила намъ мудрые законы Свои, источникъ блага и просвѣщенїя для самыхъ опдаленныхъ попомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щасіемъ, дѣломъ рукъ Ея. Не шѣ одни были неушѣшны, копорые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали плѣнительнымъ словамъ Премудрыя, окружали шронъ Ея; нѣшѣ, вся Россїя проливала горестныя слезы: ибо Она не для любимцевъ, а для Россїи царствовала; не шолько нѣкопорымъ, но всѣмъ благошво-

рила — и слезы чувствительныхъ сердець
шекли Ей въ жертву съ равнымъ жаромъ въ
столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ предѣ-
лахъ государства. О Монархи міра! Екате-
рина и жизнью и смертію Своею служила
вамъ примѣромъ : такъ царствуйте, чтобы
смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ
умиленьемъ, съ какою трогательною любовію
донынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте
увѣрены, что народы чувствительны и бла-
годарны прошивъ Царей добродѣтельныхъ, и
что память ваша, если вы заслужили любовь
подданныхъ, пребудетъ вѣкъ священою. И
самаго недостойнаго Государя хвалящъ, когда
онъ держитъ въ рукъ скипетръ: ибо его бо-
яся, или гнусные льстецы хошащъ награды;
но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ,
когда Монархъ плашитъ дань общему року
смертныхъ : тогда, тогда внимайте гласу
Истины, которая, повелѣвая умолкнуть спра-
шамъ, надеждѣ и страху, опершись рукою
на гробъ Царя, произноситъ свое рѣшеніе: и
вѣки повсюду его! Не въ чертогахъ Цар-
скихъ обнаруживается чувство народное; о
всякомъ Монархѣ кто нибудь изъ царедвор-
цевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно
явно только на спогнахъ града, въ шихомъ
жилищѣ семействъ, отъ Двора удаленныхъ,
и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естли въ
нихъ сердечная признательность не оплаки-
ваетъ смерти Государя, то онъ не царство-
валъ для народного щастія!

Сограждане! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей Монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юнаго Самодержца, Кошорый, восходя на престола Россіи, и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой! . . . Великой!* повторила вся Россія. — Симъ обѣщаніемъ Онъ почилъ и память Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и утѣшились!

Но благошворенія новыя не охлаждающе въ сердцахъ нашемъ признательности къ дѣламъ Екатерины; мы воспоминаемъ ихъ съ любовью, читаемъ мудрые законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгъ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ. . . . Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образъ Генія хранишеля Россіи, и тамъ не преспаеши заниматься нашимъ опечесаніемъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины:

«О Россіяне! вы, кошорые были столь любезны Моему сердцу; кошорыхъ счастье было Моимъ счастьемъ; на кошорыхъ взираю Я съ радостію Матери, видящей благоденствіе дѣтей своихъ! есшлы Я обогатила Россію новыми предѣлами и народами, украсила чело ваше пальмою побѣды, гремѣла въ шрехъ часпахъ міра и славилась вами: то слава

ПАМУТАЛИ.

«Моя была мнѣ залогомъ вашей силы и безо-
«пасности; желая, чтобы міръ васъ спрашил-
«ся, Я хотѣла единственно того, чтобы вы
«могли никого не спрашиваться. Если Мои за-
«коны ограничиваютъ природную вольность че-
«ловѣка, то будьте увѣрены, что Я пожертво-
«вала частію свободы только единой цѣло-
«сти гражданского порядка, и предпочла неза-
«висимости вашей одно ваше благополучіе;
«не даровала вамъ тѣхъ однихъ правъ, копо-
«рыя могли бытъ для васъ вредными. Я про-
«свѣщала васъ, Россіяне! слѣдственно не хо-
«тѣла угнетать человѣчества. И если Мои
«царствованіе не возвело еще Россіи на высо-
«чайшую степень народнаго блаженства: то
«помните, что власть Государя не есть все-
«могущество Небесное, Котораго воля есть
«уже совершеніе; помните, что Имперіи цвѣ-
«тутъ вѣками, и что Провидѣніе пребудетъ
«опѣ Царей только возможнаго блага. Но Я
«указала вамъ великую цѣль: стремитесь къ ней
«осѣненные Моими лаврами, руководимые
«Моими законами! И когда всѣ народы земли
«будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя
«Россіянина будетъ именемъ счастливейшаго
«гражданина въ міръ: тогда исполнятся
«тайныя обѣщанія Моего сердца; тогда вы
«узнаете, что Я хотѣла, но чего не могла
«сдѣлать; и признательность ваша по-
«чтитъ равно и дѣла Мои и Мою волю: еди-
«ная награда, къ которой добрые Монархи

ИЗДАТЕЛЬ

«могушъ бышъ чувствительны и по смерти
«своей!»

И я клянусь именемъ вашимъ, о согражда-
не! именемъ всего нашего попомства, что
памяшь Екатерины Великой будешъ во вѣ-
ки вѣковъ благословляема въ Россіи.

г. 1801.

ВЕЛИКОЙ МУЖЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

=

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго трактата о соловьяхъ, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для склоненій и спряженій, божихъ родами, видишь во снѣ нарцисъ; и ешьли, марая бумагу, ошибаюсь менѣе другихъ — ешьли умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть оспороженнымъ — то конечно ему обязанъ сею выгодою. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматику. На воропахъ его, всегда запертыхъ, написано множество вопросительныхъ знаковъ ??? Сии гіероглифы извѣщаютъ гостей,

желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: кто они? за чѣмъ пришли? и проч. — Въ домъ видите вездѣ живописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣръ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ маншинѣ, усѣянной буквами, Ъ, І и Ѳ, есть *Орѳографія*; другая, представленная въ родахъ, *Этимологія*; Геркулесъ, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ удареніе; маленькой человѣкъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *предлогъ*; камень, лепящій между двумя деревьями, *междоиметіе*; Нарциссъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, кошорая дозволяетъ любовнику обнять себя, *падежъ*; старикъ, считающій деньги, имена числительныя — и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ* всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ: слѣдственно наука языка есть истинно человѣческая и важнѣйшая. Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закушанной въ пелены, и надпись говоритъ: никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ: ибо хозяинъ думаетъ, что мы еще не имѣемъ совершенной Грамматики — и когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголовъ: *калывать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колебливать, трепливать*, и воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: «О Небо! когда въ семъ наклоненіи бывали ша-
«кіе глаголы въ языкѣ Русскомъ? Можно ли

«изъявительное такъ своевольно обратишь въ
«неокончательное и глаголы недостаточные въ
«полные? Можно ли забыть, что нѣкоторыя
«изъ нихъ употребляются только съ предло-
«гами, какъ-то: *накалывать, ожидать, прилы-*
«*гать!*» — Слезы текли ручьями по лицу
чувствительнаго спарца. Я не могъ видѣть
его печали, ушелъ, и черезъ двѣ недѣли сно-
ва явился въ кабинетъ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ
началъ говорить о новой Грамматицѣ, хва-
лилъ въ ней многія полезныя замѣчанія, но
осуждалъ раздѣленіе глаголовъ по ихъ неокон-
чательному наклоненію, доказывая его невѣр-
ность и сбивчивость. «Мой другъ! сказалъ
«онъ: намъ дають правила; но всякое изъ
«нихъ раждаетъ исключеніе. Я могу вытвер-
«дить ихъ наизусть и безпрестанно оши-
«баться: слѣдственно правила неоснователь-
«ны. На примѣръ: Авторы говорятъ, что
«глаголы, копорые въ неопредѣленномъ накло-
«неніи оканчиваются на *ать*, переменяють
«сѣи буквы въ изъявительномъ наклоненіи пер-
«ваго лица настоящаго времени на *ю*; но они
«должны тотчасъ примолвить, что глаголы
«*плакать, кликать* и многіе другіе уклоняют-
«ся отъ сего закона! Не будемъ клеветать
«на языкъ: онъ имѣетъ вѣрные законы для
«измѣненія буквъ въ разныхъ случаяхъ глаго-
«ла; но мы только еще не открыли ихъ.
«Изъяснимъ великое малымъ, и скажемъ, что
«Нашура во всѣхъ швореніяхъ и разру-

«шеніяхъ слѣдуешь вѣчнымъ, единообразнымъ
«законамъ, которые однакожь по большой ча-
«сти укрываются отъ Нашуралистовъ. Спря-
«женія во всѣхъ коренныхъ языкахъ соспа-
«вляютъ главную трудность: кто приведетъ
«ихъ у насъ въ ясную систему, того ожида-
«ешь вѣнецъ безсмертія; но сей великій му-
«дрецъ, сей блаженный смертный, еще не ро-
«дился. Я поспѣлъ надъ глаголами и не дер-
«заю думать о системѣ!

«Однакожь Небо награждаетъ усердіе дру-
«зей истины, и если не совсемъ, то хотя
«сколько нибудь озаряешь ихъ свѣтомъ ея.
«Такимъ образомъ и мнѣ удалось открыть
«въ разсужденіи глаголовъ истинное правило
«— истинное, говорю: ибо оно не имѣетъ
«ни одного исключенія.» — Всякой догадаеш-
ся, что я нестерпливо хотѣлъ знать его.
Хозяинъ мой улыбнулся съ гордостію —
видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую
эпоху жизни своей — поправилъ на головѣ
колпакъ, откашлялся, сѣлъ прямо на кре-
слахъ, значительнымъ движеніемъ руки при-
гощивилъ меня къ вниманію, и съ неизъясни-
мою важностію громко произнесъ слѣдующее:
«Всѣ глаголы, которые въ настоящемъ вре-
«мени, въ прѣшѣмъ лицѣ единственнаго чи-
«сла кончатся на *итъ*, должны во множествен-
«номъ числѣ того же лица и времени окан-
«чиваться на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ*, *мчатъ*;
«*славитъ*, *славятъ*); другое же окончаніе един-
«ственного числа, съ буквою *Е* вмѣсто *И*,

«перемѣняешь во множественномъ всегда на
«утъ или ютъ (владѣетъ, владѣютъ; лжетъ,
«лгутъ). Теперь найдише, любезный другъ,
«хотя одинъ глаголъ, кошорый уклонялся бы
«опъ сего правила! Даю вамъ часъ, годъ, вѣкъ
«на размышленіе!»

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ
перепъ себѣ ладони пальцами, и не хотѣлъ
смошрѣшь на меня; чшобы не мѣшашъ мнѣ
думаешь. . . . Черезъ нѣсколько минушь глу-
бокаго молчанія я смиренно объявилъ ему,
чшо въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумаешь ни
одного исключенія, но чшо не вижу также и
большой пользы сего правила. «Пользы!» воз-
разилъ онъ съ живосшію: «а развѣ Авторы
«наши не пишущъ надѣются вмѣсто надѣютъ-
«ся, стѣятъ вмѣсто стѣютъ и стоютъ вмѣсто
«стоятъ? Самъ я, рожденный для Граммати-
«ки, въ семъ случаѣ угадывалъ истину един-
«свенно по щасливому вдохновенію Приро-
«ды! . . . Выслушайше исторію. Паденіе ябло-
«ка съ дерева, въ глазахъ Невтона, ошкрыло
«намъ сиспему тяготѣнія: Грамматики обяза-
«на моимъ ошкрышіемъ — ржанію лошадей.
«Однажды кучеръ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:
«два дни сряду у насъ безпрестанно ржапъ ло-
«шади. Врешъ, ошвѣчалъ я: надобно говорить
«ржутъ. Упрямой кучеръ не хотѣлъ согла-
«ситься со мною. Мы призывали другихъ лю-
«дей: выходила разноголосица. Я безпокоился,
«ѣздилъ, бѣгалъ по улицамъ, ошпанавливалъ
«знакомыхъ и незнакомыхъ, спрашивая: ржутъ

«или *ржатъ*? Не многіе понимали важность
«моего вопроса; нѣкоторые смотрѣли на меня
«съ удивленіемъ; другіе смѣялись. Одинъ мо-
«лодой человѣкъ, кошорой ѣхалъ верхомъ съ
«дамою, будучи такимъ образомъ остановленъ
«мною и видя, что красавица его испугалась
«моего грамматического вопроса, махнулъ хлы-
«стомъ и — сдѣлалъ меня Циклопомъ навѣки»
(Надобно знать, что Грамматику нашъ кривъ.)
«Эпо бездѣлица; но къ несчастію, я не могъ
«употребленіемъ языка рѣшить спора моего съ
«кучеромъ: одни соглашались со мною, другіе
«съ нимъ. Надлежало искасть правила — и
«чрезъ 6 мѣсяцевъ, самыхъ безпокойнѣйшихъ
«въ жизни моей, я нашелъ его (оно уже вамъ
«извѣстно): надобно говорить *ржутъ*, ибо мы
«говоримъ *ржетъ*. *Е* перемѣняется только
«на *У* или *Ю*.»

Я слушалъ великаго мужа съ искреннимъ
вниманіемъ и смотрѣлъ на кривой глазъ его
съ почтеніемъ. Кто изъ смертныхъ приносилъ
такія жертвы грамматическому любопыт-
ству?

Но сей великодушной человѣкъ, въ зрѣлыхъ
лѣтахъ заплашивъ глазомъ за опкрытіе исти-
ны въ *спряженіяхъ*, еще въ молодости лишил-
ся выгоднаго мѣста отъ усердія къ правиль-
ности *склоненій*. Мы въ другое свиданіе гово-
рили съ нимъ объ *именахъ числительныхъ*: онъ
доказывалъ, что наши Грамматики не дають
вѣрнаго правила для сочиненія ихъ съ други-
ми именами, и сказалъ: «Вы найдете въ Грам-

«машикъ, что надобно говоришь: два человѣ-
«ка, семь рублей: важное наставленіе! Кто изъ
«Русскихъ ошибается въ этомъ случаѣ? Но
«гдѣ же узнаете, какъ должно писать: съ дву-
«мя стами Гренадеръ или Гренадерами, съ дву-
«мя тысячами рублей или рублями? Вотъ ка-
«мень прешкновенія! вотъ узелъ Гордіевъ!...
«Любезный другъ! теперь сообщу вамъ мое
«второе открытіе и расскажу еще анекдотъ.
«Я былъ нѣкогда Секретаремъ у Графа Н. Н.
«и пользовался его милостію. Онъ приказалъ
«мнѣ однажды сочинить письмо къ Министру
«о важномъ дѣлѣ. Я уже дописывалъ его, но
«вдругъ остановился; надобно было сказать:
«въ *осмидесяти тысячахъ рубляхъ* или *рублей*:
«какъ же правильнѣе? думалъ, ломалъ голову;
«часы и дни проходили. Графъ требовалъ
«письма, и слыша все одинъ отвѣтъ: *не го-*
«*тово!* наконецъ такъ разсердился, что не
«велѣлъ меня выпускать изъ горницы и осу-
«дилъ, какъ Англійскаго Присяжнаго, на го-
«лодную смерть, если не исполню своей
«должности. Неволя и голодъ безъ сомнѣнія
«непріятны, но ужаснѣе всего ошибиться
«прошивъ Грамматики, и я три дни не пилъ,
«не ѣлъ, не спалъ, а въ четвертой, по мило-
«сти Неба, нашелъ правило — дописалъ пись-
«мо, и едва могъ, отъ изнуренія силъ, допа-
«сти до Графскаго кабинета, чтобы вру-
«чить ему бумагу. Онъ хотѣлъ знать причину
«моего неизъяснимаго упрямства — и душа
«моя, обрадованная великимъ открытіемъ, изъ-

«лилась передъ нимъ въ искреннемъ признаніи.
«Графъ засмѣялся, подарилъ мнѣ осыпанную
«бриліаншами шабакерку, но велѣлъ искашь
«другаго мѣста, сказавъ: *тебѣ и впредь мо-*
«*гутъ встрѣчаться грамматическія сомнѣнія,*
«*а бумаги мои требуютъ скорости.*»

Я желалъ свѣдать правило, которое вы-
гнало его изъ Графской Канцеляріи. «Вошъ
«оно,» оповѣчалъ великодушный Грамматишъ
(разумѣется, что онъ опять взялъ на себя
видъ законодателя, который съ высоты прона-
даешь успавы вселенной): «если имя числи-
«тельное не имѣетъ рода (какъ-то два, пять,
«десять, семьдесятъ), то существительное
«должно бытъ съ нимъ въ одномъ падежѣ, и
«мы говоримъ: въ шестидесяти рубляхъ, а не
«рублей; когда же число имѣетъ родъ (на при-
«мѣръ: пятокъ, десятокъ, сотня, тысяча, мил-
«ліонъ) то имя, за нимъ слѣдующее, должно
«бытъ всегда въ родительномъ падежѣ, и на-
«добно говорить: тысячами рублей, въ миллио-
«нѣ душъ, а не тысячами рублями, не въ мил-
«ліонѣ душахъ. Когда же за тысячами или за
«милліономъ слѣдуетъ число безродное, то су-
«ществительное принимаетъ его падежъ и
«надобно писать: съ двумя тысячами двадцатью
«Гранадерами, а не Гранадеръ.» — — Хоро-
шо, сказалъ я: но число *сто* имѣетъ ли родъ
по сему правилу, и какъ надобно сочинять
его съ именами? — «Браво, браво, любезный
«другъ!» оповѣщивалъ ученый мужъ: «эпошъ
«вопросъ доказываетъ, что Геній Граммати-

«ки, пролетая вселенную, махнулъ крыломъ
«надъ своею головою! Такъ, число сто при-
«водило меня въ сомнѣніе; но я увѣрился на-
«конецъ, что оно имѣетъ родъ, когда мы го-
«воримъ: *первое сто, второе сто*, и когда
«оно употребляется во множественномъ чи-
«слѣ: *пять сотъ, шесть сотъ*, и проч. Это рѣ-
«шительно — и въ слѣдствіе моего правила
«должно говорить: *съ тремястами Русскихъ*,
«а не *Русскими*. — Такимъ образомъ любовь
«къ великой наукѣ отъ времени до времени
«производитъ открытія; но (говорю и по-
«вторяю), что Россійская Грамматикика есть
«донынѣ богиня Изида въ пеленахъ: никто
«еще не обнажилъ всѣхъ ея тайностей. Мой
«другъ! гораздо легче имѣть полную, ясную,
«мудрую систему гражданского законодатель-
«ства, нежели языка; гораздо легче сдѣлать-
«ся всѣмъ судьямъ правосудными, нежели
«всѣмъ Писателямъ грамотными» . . . Тутъ
я невольнымъ образомъ воскликнулъ: *увы!* . . .
Грамматики мой продолжалъ: «Разумѣю ваше,
«любезный другъ, *междоуміе*; оно конечно го-
«решно; но такъ вѣчнымъ Судьбамъ угод-
«но! . . .

O Grammaire, abyme immense!

Tu nous laisses sans clarté.

Notre sort est l'ignorance:

Le savoir est vanité *!

* Пародія Вольтеровыхъ стиховъ: O nature, abyme immense!

«Мы щаспливы и шѣмъ, что можемъ на-
«дѣяться — и я заказалъ уже первому живо-
«писцу нашей Академіи представить на кар-
«тинѣ Минерву, выходящую въ блестящихъ
«доспѣхахъ изъ Юпитерова мозгу: она будетъ
«для меня образомъ Грамматики, кошорая со
«временемъ выдѣтъ изъ головы мудрецовъ
«Россійскихъ, вооруженная вѣрными правилами
«на всѣ возможные случаи языка. Въ послѣд-
«нюю минушу жизни моей взгляну на эту
«картину, и спокойно закрою глаза навѣ-
«ки!»

На сей огненный любовникъ правилъ не
можетъ терпѣть излишно спрогихъ. Онъ
разсердился до крайности на сочинителей
упомянутой новѣйшей Грамматики, кошорые
говорятъ рѣшительно, что предлогъ между
пребуеъ всегда надежа творительнаго, и
что родительный естъ въ такомъ случаѣ
ошибка. «Мой другъ!» сказалъ онъ: «употребленіе
«есть избалованное дитя народовъ, съ кошо-
«рымъ не лзя обходиться сурово; надобно во
«многомъ щадить его. Давно уже Русскіе гово-
«рятъ: между полями и между полей, сообра-
«жаясь иногда съ пріятностію слуха. Сохра-
«ни насъ Богъ отъ пирансва! Граммашикъ
«долженъ быть добродушнымъ и жалоспли-
«вымъ, особливо къ стихотворцамъ. Ахъ!
«они и шакъ не рѣдко спенаютъ отъ упру-
«гости длинныхъ словъ въ языкѣ Русскомъ:
«начто ихъ обременять лишними слогами?
«Нѣтъ, у насъ не каменные сердца; нѣтъ!

«Граμμαшикъ чувспвишельной, и даже спра-
«ведливой, съ обыкновенною искренностію
«скажешъ имъ: пишите смѣло между ясми-
«новъ и лилей, вы, невинныя дѣти Аполлоно-
«вы! Пишите, какъ вамъ угодно — какъ
«вамъ угодно, друзья мои!» . . .

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на лицѣ
изобразилась такая добродушная, милая, нѣж-
ная улыбка, что слезы покапились изъ глазъ
моихъ . . . . О поржество чувспвишельно-
сти даже и въ самой Граммашикъ! . . . .
Одно воспоминаніе сей минушы прогаешъ
мое сердце — и я долженъ бросишь перо!!

г. 1803.

ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

=

Левекъ говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французской Авшоръ, прибавляешъ: «жаль! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!» Мы знаемъ, какъ по большой части Французы пишутъ Исторію, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Русской Исторіи въ нашей Академіи — (Иностраннѣй Профессоръ Русской Исторіи!!) — шутя надъ Левекомъ, и называя его не *Историкомъ*, а *граверомъ-Левекомъ*, также приписываетъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣшописцевъ, и всѣ лѣшописи перервались въ царствованіе сего Государя.» Это, на примѣръ, очень любопытно, есѣли справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый Кришикъ и спрасшный любитель нашей Исторіи, не усомниться въ истинѣ такого случая? Есѣли и словесная кришика важна въ Исторіи, то философическая еще

важнѣе. Какъ! Царь Алексѣй Михайловичъ, доброй и челоѡколюбивой, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учрежденіе? Въ царствованіе славное и крошечное подняло голову чудовище?? при Государѣ, котораго Бояре Русскіе окружали съ любовью и почтеніемъ (ибо Онъ не казилъ и не душилъ ихъ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родишеля) — при Государѣ, который иногда (на примѣръ во время Новгородскаго и Псковскаго мяшежа, во время двухъ бунтовъ Московской черни) умѣлъ бытъ правосуднымъ, но всегда любилъ прощать и миловать?? Кшожь были жертвами его Тайной Канцеляріи? Развѣ Онъ учредилъ ее для того, чшобы она дремала въ бездѣйствіи? Оларій *, Маербергъ, говоря о происшествіяхъ (и самыхъ маловажныхъ) Его времени, безъ сомнѣнія рассказали бы нѣкоторыя анекдоты *Руской жестокости* **, которую

* Оларій, какъ извѣстно, былъ Секретаремъ Посольства, отправленнаго Голштинскимъ Герцогомъ въ Персію чрезъ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Алексѣй Михайловичъ, восшедши на престолъ, звалъ Оларія въ Россію, и въ письмѣ своемъ, учтивомъ и ласковомъ, называлъ его *Географусомъ небеснаго бѣга*. *Nonny soit qui mal y pense!* Довольно, что Онъ любилъ ученыхъ людей, въ такое время, когда въ Россіи не умѣли еще и называть ихъ.

** Надобно замѣтить, что всякой народъ въ Европѣ ославленъ съ какой нибудь худой стороны, и что все обыкновенные

иностранныя всегда любили изображать яркими красками. Самое преданіе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго судилища, естли бы они и въ самомъ дѣлѣ заславили молчать лѣтописцевъ. Но можно доказать, что царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича было напрошивъ того, цвѣтущимъ временемъ Русскихъ лѣтописей, перерванныхъ несчастіями Россіи. Естли имѣемъ описаніе временъ Голунова, Димитрія Самозванца, Шуйскаго и славныхъ патриотическихъ дѣлъ междоцарствія, то мы обязаны шѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ. Добрые монахи, которые въ нашествіе Поляковъ служили для Русскихъ не только примѣромъ любви къ оше-

пешественники основываютъ наблюденія свои на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Италіи злобныхъ и мстительныхъ, въ Гишпаніи лѣнивыхъ, въ Англіи чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случай и характеры, которые не согласны съ общимъ предразсудкомъ о народѣ, остающіяся неуваженными. Гораздо легче повернуть за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ своимъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ такимъ образомъ о народахъ, и Виндэмъ сказалъ въ Парламентѣ, что Русскіе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ-Донъ-Кихотъ повторилъ фразу своего дѣдушки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Италіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англійскихъ и Русскихъ солдатъ, онъ нашелся бы принужденнымъ назвать варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Успѣдить можно единственно шѣхъ, которые имѣютъ спыдъ; а клеветники, пощаснѣю, не знаютъ его въ глаза.

честиву и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбро-
сти, могли тогда снова обратишься къ мир-
нымъ упражненіямъ благочестивой жизни и
къ похвальной охотѣ своей бытъ Историками
отечества. Смѣло пребую свидѣтельствва
всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ
монастырскихъ библіотекъ: на многихъ ис-
торическихъ рукописяхъ именно означено вре-
мя ихъ сочиненія, и сіе время естъ — цар-
ствованіе Михаила и великодушнаго Сына
Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда пи-
санную и доведенную до начала Польской вой-
ны при Алексѣѣ Михайловичѣ: въ концѣ ея
послѣдствіе 1664 годъ. Гдѣ же спрхъ, про-
изведенной Тайною Канцелярією? Гдѣ онѣ-
мѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлеце-
ра; но онъ развертываетъ первый томъ Та-
пищева, показываетъ намъ страницу 59 —
и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго ино-
странца, достойнаго нашей искренней благо-
дарности за то, что онъ во многихъ случа-
яхъ умною своею крипикою способствуешь
основательности Исторіи Русской.

Такъ, Г. Тапищевъ ввелъ въ заблужденіе
и Лебека и Шлецера; онъ именно говоритъ,
что Царь Алексѣй Михайловичъ, основавъ
Тайную Канцелярію, усмрашилъ лѣтописцевъ
и засмавилъ ихъ безмолвствовашъ. «Могъ ли
грубо ошибиться нашъ умной, прудолубивой
Историкъ?» скажутъ нѣкоторые: «онъ конечно
писалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ
было.» — Вы не совсѣмъ ошибаетесь, мило-

сшивые государи: *Тайная Канцелярія* почно была при Алексѣ Михайловичѣ . . . «Слѣдственно Тапищевъ правъ?» Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная* *: въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторыя села и деревни, которыя онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъяснить Свое опмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю, Онъ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счефы въ ней повѣрялись **. Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ *личные Царскіе указы*. Однимъ словомъ, она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Тапищева: онъ вообразилъ то гибельное судилище, которое прославилось, къ несчастію, въ новѣйшія времена; а находя, что многія лѣтописи идутъ не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописію Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

* Chancellerie privée. По-Русски называемъ мы и Conseiller privé Тайнымъ Совѣшникомъ.

** Вамъ скажутъ объ этомъ и въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

Лѣтописцы наши не Тацисы: не судили Государей; рассказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожносши, и проч. *Левъ не раззѣвалъ челюстей за тѣми Историками*, и самъ ужасный Царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставивъ намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображеніе Государя своего. — Однакожь мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нѣтъ случаевъ — и когда время Петра Великаго и спорогія, взятыя имъ мѣры прошіеъ монаховъ опіяли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжашъ лѣтописи, Испорія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовляшъ ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ Иноспранныхъ Дѣлъ; но собранія пракшатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историки. Надобно будетъ читать иноспранцевъ; а какъ вѣрно описывающъ они случай и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ: но скоро

исчезнеть слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, копорые еще недавно говаривали со слезами о Петръ Великомъ? Не много уже и такихъ, копорые говоряшъ о правленіи Анны, о несчастіи Долгорукихъ, о люшоспяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Елисаветы — и кто ихъ слушаешъ со вниманіемъ? У насъ заняшы головы такими важными дѣлами! ! . . .

Обрашимся къ Тайной Канцеляріи. Желаете ли видѣть ея *первую* сцену? Подите въ село Преображенское, копорое надѣляетъ Москву хорошею водою — шамъ, среди огородовъ, укажушъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія: шамъ Великой Императоръ, преобразуя опечесство, и на всякомъ шагу вспрѣчая неблагодарныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ былъ* для Своей и государственной безопасности основать сіе ужасное судилище . . . Такъ, Петръ Великій былъ его учредишемъ; но Испорія не дерзнетъ обвиняшъ славнаго Монарха: жестокія обспоятельствва заспавили Его прибѣгнушъ къ жестокому средспву. . . . Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь копорыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государспвенныхъ преспушниковъ. Воспминаніе конечно гореспное; но въ ту же минушвы произносиш имя Александра, и сердце ваше опдыхаетъ!

Я чувспвую великія дѣла Петровы, и думаю: «щаспливы предки наши, копорые

были ихъ свидѣтелями!» однакожь — не завидую ихъ щастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливають землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салаша!

Есѣли бы кто нибудь въ царствованіе Александра могъ бытъ еще недоволенъ — (но мы для одной реторической фигуры предполагаемъ сію возможность) — то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское!

г. 1803.

ПАМУТАЛИ.

ЩАСТЛИВѢЙШЕМЪ ВРЕ- МЕНИ ЖИЗНИ.

=

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалишь старость; однакожь не думаю, чшобы пракшашъ его въ самомъ дѣлѣ ушѣшилъ старцевъ: оспроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдишь въ душѣ естесшвенное чувство.

Можно ли хвалишь болѣзнь? а старость сеспра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія Напуры и всѣ феномены ея для насъ благошворны—въ общемъ планѣ, можешъбышь; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и не лзя разсуждашь о вещахъ въ семъ отноше-ніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра ума: Философія занимается только ясными истинами, хошя и печальными; опвергаетъ ложь, хошя и пріятную. Творецъ не хошѣлъ для человѣка сняшь завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо,

младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ оспается училищемъ шерпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное соспояніе человека есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣешь въ себѣ какой-то недоспашокъ; возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслию, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружающъ насъ недоспашки. Однакожь слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимающъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію*? Не ту, въ копорую мы доспигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человекъ не есть только животное) но — послѣднюю степень физической зрѣлости — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полномъ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣш-

но; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру спраспей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богашый идеями, сравненіями, опытами, находишь истинную мѣру вещей, соглашаешъ съ нею желанія сердца и даешъ жизни общій *характеръ* *благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываешъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человека. Если бы умная нравственность была случайно принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей *Натуры*: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живоспи и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человекъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаешъ уже такъ спрасями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можешъ быть гораздо его щасливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бывають уже супругами, ошцами, и наслаждающся въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; пересщаемъ спрансповашъ по шуманнымъ областямъ мечпанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, пребуемъ

менѣе опѣ людей и свѣща; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, ушверждено; спараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хошимъ оставишь въ мірѣ благодѣшельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣшей, хозяйство, государственныя должности, обращающіяся для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призракы воображенія и спраспей, копорые обольщаютъ молодость. Здоровье, споль мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлаешся въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываешъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быспрая половина... шакъ осшашки ясныхъ осеннихъ дней расплагаютъ насъ живѣе чувствовашъ прелестъ Нашуры; думая, что скоро все увянешъ, боимся пропустишь минушу безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный опѣ самага избышка силъ своихъ, съ небреженіемъ спупаешъ онъ на цвѣшы, копорыми Природа и судьба украшаютъ спезю его въ мірѣ: человѣкъ, иску-

шенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любишь благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуешь и торжествуешь Геній. . . . Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительное, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простою, и творенія ума человѣческаго являющіяся въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, бытъ современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любишь въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолубіе не волнуешь, не терзаешь, но сладостно покоишь душу, среди монументовъ плѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любишь жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню воспорги, но помню и шоску свою; помню воспорги, но не помню щастія: его не было въ сей бурной спремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, кошорая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣпахъ кипѣнія спрасшей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ

мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удоволь-
ствіяхъ жизни единообразной, успокоенной,
хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!*
если бы въ такое время могъ сказать и
мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

г. 1803.

ЗАПИСКИ
СТАРАГО МОСКОВСКАГО
ЖИТЕЛЯ.

=

Эмилія уѣхала въ деревню, и Боспонъ нашъ разспроился; на *булевартъ* нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья: куда же мнѣ дѣваться, и что дѣлать? Опъ скуки всего лучше писаць; въ такомъ случаѣ перо служишь *отводомъ* ея, и передаетъ всю скуку Авшора чашащеламъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло! всякой о себѣ думай. . . . Къ тому же мнѣ спукнуло 62 года, и я жилъ не съ завязанными глазами въ свѣтѣ: сколько важныхъ наблюденій могу сообщить любопытнымъ, не хуже того славнаго *эфемера*, который, родясь на восходѣ солнца, видишь себя въ глубокой старости при его заходѣ, и съ краснорѣчіемъ Доктора Франклина (Авшора сей остроумной басни *) рассказываетъ юнѣшимъ эфемерамъ о великихъ перемѣнахъ свѣта, замѣченныхъ имъ въ теченіе столь долгого времени, то есть въ 15 или 16 часовъ! Боже мой! сколько сдѣлалось перемѣнъ и на

* Она напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

моихъ глазахъ! Красавицы подурнѣли, веселыя женщины стали унылыми; въ рукахъ, копорыя прежде такъ мило играли опахаломъ и въ легкомъ *вальсѣ* обнимали щаспливыхъ Зефировъ, вижу теперь чешки или карпы; взоры, съ копорыми нѣкогда всѣ другіе встрѣчались, нынѣ бродящъ уединенно по залъ, наполненной людьми невнимательными. Многіе умники обрашились въ глупцовъ, честные люди въ бездѣльниковъ, подлецы въ гордецовъ, святоши въ вольнодумцевъ и вольнодумцы въ святошъ. Однимъ словомъ, я старой эфемеръ, замѣчалъ мешаморфозы въ жизни, копорыя стоящъ Овидіевыхъ; видѣлъ все, кромѣ того, чшобы плушы дѣлались честными, а глупцы умными.

Но не лъзя писать обо всемъ, что знаешь: назовушъ Саширикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можешъ бышъ опъ того, что оно всегда напминаешъ мнѣ гнусную фигуру Сапира. Не хочу также сообщашъ наблюдений, копорыя можно располковашъ въ худую сторону для настоящаго времени; скажущъ: «таковы спарики! хваляшъ, чего уже нѣшъ, «а все новое осуждающъ!» Нѣшъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идешъ къ лучшему въ свѣшъ, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси. . . Но въ такомъ случаѣ должно подумашъ. . . .

«Господинъ! господинъ! не надобно ли вамъ цвѣшовъ?» . . . Эшопъ голосъ, перервавъ

нишь идей моихъ, могъ бы чрезмѣрно разсердись меня, естли бы онъ былъ не женской; но я, по старой привычкѣ, все еще не умѣю сердиться на женщинъ. . . Смопрю и вижу сельскую невинносшь, копорая, оспановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываешъ мнѣ букешъ свѣжихъ ландышей. Вспаю съ креселъ какъ молодой человекъ (ибо у меня еще нѣшь подагры), даю деньги, беру цвѣшы, нюхаю ихъ, и снова ищу въ головѣ мыслей. . . Но чего лучше? эшошь букешъ можешь бышь шемою. . . Безъ сомнѣнiя! . . . Задумываюсь на минушу и восклицаю: «слава нынѣшнему просвѣщенiю и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!»

Такъ, на моей памяши образовалась въ нашей сполицѣ сiя новая опрасль торговли; на моей памяши стали продавашъ здѣсь ландыши. Естли докажущъ мнѣ, что въ шеспи-десяшыхъ годахъ хошя одинъ сельской букешъ былъ купленъ на Московской улицѣ, то соглашаюсь бросишь перо свое въ первой огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ. . . Изъ чего мы, Философы, заключаемъ, что Московскiе жишели просвѣпились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣшамъ естъ любовь къ Нашурѣ; а любовь къ Нашурѣ предполагаетъ вкусъ нѣжный, ушонченный Искусствомъ. Какъ первые прiемы Философiи склоняющъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее употребленiе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ Вѣрѣ предковъ: шакъ первые шаги

общежитія удаляютъ человека отъ Натуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней. Старинные Русскіе Бояре не заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкъ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ. . . . . Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизъяснимое чудо! . . . О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ сидя подъ тѣнію черемухи, пивали холодный медъ изъ спопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время Царя Михаила Феодоровича привезъ въ Москву Голшпинецъ Пепръ Марселлинъ *! — Только при Государѣ Петрѣ Великомъ знатные начали строить дома въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая разница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись въ зиму городскими удовольствіями, при началѣ весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! А кто долженъ оспаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по крайней мѣрѣ пе-

* Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы.

реселился за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ ошъ году умножается; ихъ занимають не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай обращенный въ комнату съ диванами: шупъ въ хорошее время года живешъ довольно-богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городъ у него каменной домъ и большой садъ; но онъ говоритъ: «что можешъ сравниваться лѣшомъ съ пріятностію сельской жизни?» Самые ремесленники любяшъ уже веселился хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы горы, къ Симонову монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Поршные и сапожники съ женами и дѣтьми рвуть цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращающся въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: «какія мѣста! и никшо не наслаждается ими!» а теперь вездѣ нахожу общество!

Однимъ словомъ, Русскіе уже чувствуюшъ красоту Природы; умѣють даже украшать ее. Обѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На при-

мѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можешь удивить самаго Бришанскаго Лорда; щасливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Роши — гдѣ дикость Природы соединяется съ удобствами Искусства, и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи — наконецъ заступающъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, копорые ни на что не похожи въ Нашурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рысь и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быспрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи мутныя зеркала, гдѣ гнѣетъ вода неподвижная. . . .

Знаете ли, что и самой Московскій бульваръ, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе рождаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о копорыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіатцы, и копорыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любящъ собираются ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знашныя не стыдясь гулять вмѣстѣ съ незнашными, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣшнимъ вечеромъ: шамъ

уже ешь между людьми то щасливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ употребленнаго гражданскаго образованія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; да же и мы еще весьма не давно захошѣли имѣть сіе удовольствіе, но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ бульваръ скупъ на шѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ несчастью, именемъ своимъ напоминаетъ бульвары Парижскіе, столь прекрасныя и сѣнистыя! Древней столицѣ Русскаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскимъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о самыхъ жилищахъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотчасъ ведутъ его на свои прелестныя *террасы*, въ свои сѣнистыя аллеи, которыя украшаютъ весь города ихъ. . .

Иногда думаю, гдѣ бытъ у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки * между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, ешьли бы можно было сломать стѣну Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣшники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною,

* Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ. Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ.

и внизу насадишь аллею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ глаголавшими Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными оплогостями и цвѣшниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется сполко людей; огромный Воспитательный домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленою и громадами плошоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вошъ картина! вошъ гульбище, доспойное великаго народа! Тогда жишель Парижа или Берлина, съвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой бульваръ, свою Липовую улицу. . . Воображаю еще множесшво лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣшными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ. . . Сверхъ того Кремль есть любопытнѣшшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, копорья еще возвысили бы пріятносшь сего гульбища, занимая воображеніе.

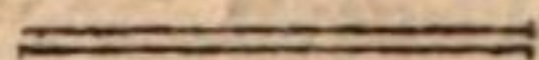
Но это одна мысль. Кремлевская спѣна есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? Развъ одно время разрушишь ее, такъ же, какъ оно разрушило спѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго: ибо и сей

послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными) . . . И шакъ удовольствуемся своимъ бульваромъ! куда, государи мои, вы дозволише мнѣ и теперь отправишься: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минушы, въ копорую могу еще поговорить съ вами о другихъ перемѣнахъ въ Москвѣ бѣлокаменной и новыхъ выгодахъ нашего времени.

г. 1803.

Анонимъ.

О БОГДАНОВИЧѢ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ *.

=

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ родился въ 1743 году, Декабря 23, въ щасливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ первымъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичъ спрасно любилъ чтеніе, рисованье, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ ея, Г. Желябужскій, замѣтилъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, и дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенацкой Коншо-

* Съ величайшею благодарностію Авторъ воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ шворца Душеньки, Иваномъ Ѳедоровичемъ Богдановичемъ, но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторыя анекдоты, слышанные имъ отъ людей, копорые были коротко знакомы съ покойникомъ.

рѣ. Но Математика не могла бытъ наукою человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линіи не питають воображенія. Богдановичъ, упомянутый Арифметикою и Геометріею, ошдыхалъ за швореніями Ломоносова, кошораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянъ, еще не строгихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія, сіи живыя картины спрассей, такъ плѣнился ими, что гошовъ былъ сдѣлать безразсудность. Однажды являешся къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пашнадаши, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ бытъ — актѣромъ *! Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученью и стихотворству; доказываетъ ему неприличность актѣрскаго званія для благороднаго человѣка; записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ былъ Ипполитъ * Богдановичъ, а Директоръ Театра (что не менѣе доспой-

* Это слышалъ я отъ самаго безсмертнаго шворца Россіады.

** Пинтическое имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ опчества.

но замѣчанія) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ. И такъ щасливая звѣзда привела молодого ученика Музъ къ ихъ знаменишому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. — Тогда Богдановичъ узналъ правила языка и стихотворства, языки иностранные, и приобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіады былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богдановичъ учился въ классахъ писалъ стихи, которые печатались въ Журналъ, выходившемъ при Университетѣ *. Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторъ способность къ нему приближиться.

Кромѣ Михайла Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холоднои и невниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Русскихъ замѣтимъ, что молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо еслии нравственный характеръ

* Въ Полезномъ Увеселеніи.

ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполи-
тѣ Богдановичѣ, которъй опличалъ себя и
тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ про-
стосердечіемъ, свойственнымъ любимцу Апол-
лонову. . .

Сынъ Фебовъ не рожденъ бытъ поцкимъ знапокомъ

Обычаевъ, условій свѣша;

Невинность, простоша видна въ дѣлахъ Поэта.

Ему вселенная есть домъ,

Гдѣ онъ живетъ съ чужими

Какъ съ братьями родными;

Свободу и покой любя,

Не мыслишь принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ исключеніе
изъ сего правила; но таковъ былъ Лафон-
тенъ — и Богдановичъ! Осмнадцати лѣтъ
онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ,
что думалъ; дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ
слушать умные разговоры и засыпалъ отъ
скучныхъ. Къ щастію, Поэтъ жилъ у Поэта,
который прѣбывалъ отъ него хорошихъ спи-
ховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ
обыкновеній, и забавляясь иногда его невин-
ностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе,
такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичъ отъ
искренности своей казался иногда смѣлымъ;
но если слово его оскорбляло человека, то
онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чув-
ствовалъ нужду въ осторожности, и черезъ
десять минутъ слѣдовалъ опять движенію
своей природной откровенности: слабостъ

души нѣжной и прекрасной, кошорая иногда и самую долговременную опышность побѣждаешь! . . . Спихотворецъ нашъ, богашый единственнo рюемами, не могъ сыпать золоша на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи)

Дарилъ пещаспныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливоспъ. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близъ знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодаго челоуѣка, дурную погоду, распояніе, и въ одномъ камзолѣ явился шамъ предложитъ услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, споль любезные и почпенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣшисъ одну чершу характера его, едва ли не во всѣхъ Поэшахъ явную и рѣзкую — чувспвительность: къ любезности женской, кошорая всегда служила вдохновеніемъ для спиховъ пріятныхъ. Кшо рожденъ бышъ Поэшомъ Грацій, въ шомъ рано обнаруживаешся сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой спихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая спрогая женщина могла оскорбисъ такими чувспвами?

Въ 1761 году Богдановичъ опредѣленъ былъ

въ надзирашели надъ Университетскими клас-
сами съ чиномъ Офицера, а по восшествіи на
пресшоль Императрицы Екатерины II, въ
Члены Коммисіи торжественныхъ пригото-
вленій, и сочинялъ надписи для ворошъ Триум-
фальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровитель-
ство Княгини Екашерины Романовны Дашко-
вой *, онъ вступилъ переводчикомъ въ штатъ
Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же
время издавалъ Журналъ **, въ которомъ сія
знаменистая любительница Русской Словесно-
сти участвовала собственными трудами сво-
ими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнару-
жилось тогда въ переводъ Вольперовыхъ спи-
хотвореній, а всего болѣе въ Поэмъ на раз-
рушеніе Лиссабона, которую Богдановичъ пе-
ревелъ такъ удачно, что многіе стихи ея не
уступающъ красотѣ и силѣ Французскихъ. На
примѣръ:

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ея Онъ не связанъ.

— — — — —

Когда Творецъ такъ благъ, почто же спраждетъ шварь?

— — — — —

Я живъ, я чувствую, и сердце опъ мученья

Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья. . .

О дѣти бѣдныя всемогщаго Ошца!

* «Благодѣтельница фамиліи Богдановичей,» прибавляетъ И.
О. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: «ибо и братъ его обязанъ ей
«своимъ воспитаніемъ.» — Мы должны были сохранить сіе
изъявленіе благородной признательности.

** Подъ пингуломъ: *Невинное Упражненіе.*

На то ли вамъ даны чувствительны сердца?

Кому, о Боже мой! Твои судьбы извѣсны?
Всесовершенный зла не можетъ произвѣсти.
Другаго нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.

Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудритъ.

Опверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
Бель знаешь боль ихъ — но можно ль основаться?
Держа въсы въ рукахъ, онъ учить — сомнѣвался!
И не пріемля самъ системы никакой,
Всѣ только опровергъ, сражался — съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками!

Калифа нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній часъ сію молитву къ Богу рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
Чего нѣтъ въ благослѣ Твоей всесовершенной:
Грѣхи, невѣдѣнїе, болѣзни, слезы, спонъ!»
Еще прибавилъ могъ къ тому надежду онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человекомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторыя изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіанинъ, а не Кристикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ оповѣстивать Вольперъ, а не Богдановичъ. — Въспѣ съ переводами напечатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ коныхъ иныя опличаются нѣжностію и хорошими мысля-

ми; на примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименту:

Чтобъ щасливѣымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богдановичъ, счинаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму *Сугубое Блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотого вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе спрасей, а въ третьей спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ требовалъ зрѣлости дарованій: еще Стихотворецъ нашъ не имѣлъ ее; однако жъ многіе стихи умны и пріятны. Поэма складно и хорошо описываетъ наслажденія человека въ его невинности:

Въ юную часть, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ:
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его къ счастью вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ * онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали спраси;
Желаній далъ нуждъ своихъ не простиралъ;

* После: не зналъ, должно сказать какъ — то есть: не зналъ, какъ употреблять во зло.

Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власнѣ,
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

Хорошо также описаны, въ піишическомъ
видѣніи, различныя славы Царей. . .

Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разныя вѣнцы для крошкѣхъ или злыхъ.
Одни получаѣтся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойствіе, пишину;
Другіе купящіяся злодѣйствами и кровью:
Или будетъ ненависть покорствовать въ плъну *.
Пребудушъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласишъ по свѣшу имя ихъ;
Но будушъ наконецъ послѣдніе пещасны,
Собою дѣлая пещасными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда Его Высоче-
ству, Августѣйшему Наслѣднику шрона, за-
ключаетъ слѣдующими прекрасными сшиха-
ми:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ бышъ Царемъ, великимъ человекомъ,
Ко щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала
сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровой
вѣнокъ уже сплелся для Авшора, но еще
невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должностъ
Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору,
Богдановичъ отправился въ Дрезденъ съ

* Лучшій сшихъ въ Поэмѣ.

Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего Посланника, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминашь объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щасливое вліяніе и на самый піишическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечшая о Нимфахъ, копорыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза *, и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей Душеньки, копорая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конспишуцію Германіи и соглашалъ удовольствіа человека свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта, съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1768 году возвращаясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Лишпературѣ и Стихотворству; перевелъ разныя сшашьи изъ Энциклопедіи, Вершову Исторію бывшихъ переменъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ, пѣснь Екатерины Микеля Анджело Джіанешпи (за копорую имѣлъ щасіе бышь представленъ сей великой Государынѣ) выдавалъ 16 мѣсяцевъ Журналь, подъ шишуломъ Пешербургскаго Въ-

* Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерей.

спника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олшарь Грацій свою Душеньку. Богдановичъ съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами. . . . Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суешности и другихъ спрасшей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человекъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минушахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуешь Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, если онъ можетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, кошорымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда,

какъ легкія волны, отражающія швердымъ подножіемъ, на копоромъ шаланшъ возвышаешся, въ честь опечесшву, ко славъ разума и въ память вѣка. . .

Басня Психеи есть одна изъ прекраснѣйшихъ Мифологіи и заключаешъ въ себѣ остроумную аллегорію, копорую стихотворцы зашмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочешался съ Психеею (душею), землею красавицею, и что опъ сего брака родилась богиня наслажденія. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже прогашельную сказку, совсѣмъ не въ духъ Греческой Мифологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафоншенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ прогашельное съ забавнымъ и стихами съ прозою. Она служила образцомъ для Русской Душеньки; но Богдановичъ, не выпуская изъ глазъ Лафоншена, идешъ своимъ пушемъ и рвешъ на лугахъ цвѣты, копорые укрылись опъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафоншеново швореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а Душенька во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе шѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда

лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитросплетениями Искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Архиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими, и мы всѣ читали его; Лафонтенъ прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатия есть чрезвычайность, и

мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о
сихъ людяхъ!

Желая украсить гробъ сего любезнаго Поэта
собственными его цвѣтами, напомнимъ здѣсь
любишелямъ Русскаго стихотворства лучшія
мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героиче-
ская; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Ари-
стошеля, съ важностію разсмащривашъ ея
басню, нравы, характеры и выраженіе ихъ; не
можемъ, къ щастію, бышъ въ семъ случаѣ
педаншами, копорыхъ бояшся Граціи и лю-
бимцы ихъ. *Душенька* ешъ легкая игра воо-
браженія, основанная на однихъ правилахъ
нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣшъ Аристошеля.
Въ такомъ сочиненіи все правильно, что за-
бавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо
сказано. Это, кажется, очень легко — и въ
самомъ дѣлѣ не трудно — но только для
людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всяка-
го ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотвор-
цемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе,
будемъ сравнивашъ *Душеньку* съ Лафоншено-
вымъ швореніемъ.

Мы уже говорили о томъ, что Богдановичъ
не рабски подражалъ образцу своему. На при-
мѣръ, въ самомъ началѣ онъ весьма забавно
описываетъ добраго Царя, отца Героини,

Который свѣшу былъ полезень,

Богамъ любезень;

Достойно награждалъ,

Достойно осуждалъ;

И ешлы находилъ въ подсудныхъ злыя души,

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;

Зависникамъ велѣлъ, чтобъ щасіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждашья;
Скупымъ опредѣлилъ у золоша сидѣнь,
На золошо глядѣть,
И золошомъ прельщашья,
Но имъ не насыщашья;
Слєсивымъ предписалъ съ людьми не сообщашья,
И ихъ попомкамъ въ казнѣ давалась та же спєсь,
Какая видима оспалась и поднесь.

У Лафоншена нѣтъ о томъ ни слова. И
какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна
спиховъ у мѣста и щасливѣва! — Любезное
имя, кошорымъ Богдановичъ назвалъ свою Ге-
роиню, представляешъ ему щасливую игру
мыслей, кошорой Лафоншенъ могъ бы позави-
довашь:

Звалась она *Душа* по полку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстѣхъ старинныхъ знашюковъ,
У Рускихъ *Душенькой* она именовалась,
И пишущъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душеньки* у насъ опѣ шѣхъ время
Поставлено оно народомъ въ лексиконъ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго
описанія Душенькиныхъ прелестей, кошораго
нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафоншена: ибо
они не хошѣли говорить слишкомъ обыкно-

веннаго. — Жалобы Венеры въ Русской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ сшихахъ. Чипашели могушъ судишь.

Амурь! Амурь! вступишь за честь мою и славу;

Яви свой судъ, яви управу.

Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхашъ:

Простая смершна, ругаяся богами,

Не спавишь ни во что пвою безсмертну машь;

Уже и пашими слугами

Осмѣлилась повелѣвашъ,

И въ обласпахъ моихъ надъ мной торжеспвовашъ.

Могу ли я сносишь и видѣшь равнодушно,

Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?

За ней гоняся, опъ насъ опходяшъ прочъ

Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

- - - - -

Юпитерь самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,

И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:

Гречанку наглую, едва ли царску дочь,

Забывъ Юнонны и вѣрносшь и услуги!

Какой ты будешь богъ, и гдѣ пвой будетъ тронъ,

Когда опъ нихъ другой родится Купидонъ.

Который у тебя опнимешъ лукъ и стрѣлы,

И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?

Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:

По волѣ ходяшъ въ небеса,

И всякія пворяшъ на свѣшъ чудеса.

И можно ли терпѣшь, что Душенька собою,

Безъ помощи пвоей, во всѣхъ вселяетъ спрастъ,

Какую возжигашъ одинъ имѣлъ пшъ власшь?

Она давно уже смѣется надъ шобою,

И спавишь въ торжество себѣ мою напасшь.

За честь свою, за честь Венеры,

Яви пшъ строгости примѣры;

Содѣлай Душеньку посшылою навѣкъ,

И споль худою,
И споль дурною,
Чтобъ всякой опъ нее чуждался человекъ;
Иль дай ты ей въ мужья, кѣмъ всѣхъ сыскался хуже;
Чтобы нашла она себѣ пирана въ мужъ,
И мучила себя,
Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
И я покойна спала.

Лафоншенова Венера, сказавъ, что изъ Па-
фоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры и Смѣхи,
продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il naîtra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y gard; il vous y faut songer.
Rendez la malheureuse, et que cette cadette,
Malgré les siens épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, et qui la maltraite,
La fasse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignons plus.

Для чести Русскаго паланца мы не побоя-
лись длинной выписки. Богдановичъ и мысля-
ми и выраженіями побѣждаетъ опаснаго со-
вмѣстника. Онъ гораздо приличнѣе заспавля-
етъ сказать Венеру, что самъ Юпитеръ мо-
жетъ жениться на Душенькѣ, а не лучший изъ

смертныхъ красавцевъ, опѣ котораго не лѣзя
было родиться второму Купидону. Спихи:
ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы — и
столь худсю и столь дурною — и мучила се-
бя, жестокаго любя, живы и прекрасны: Ла-
фоншеновы только изрядны, кромѣ: sans le
tenir de vos traits, ni de vous, гдѣ одно сказано
два раза для наполненія спиха. — Венерино
шествіе у Лафоншена эскизъ, у Богдановича
карпина. Первый сказалъ: l'un (Трипонъ) lui
tient un miroir fait de cristal de roche, а второй:

Несешь опломокъ горъ кристальныхъ

На мѣсто зеркала предъ ней.

Сей видъ пріятности объявляешь

И радость на ся чель.

«О есильлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,

Остался вѣчно въ хрусталь!»

Но щепно онъ того жelaетъ!

Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;

Останется одинъ лишь камень — и прог.

Лафоншенъ говоритъ: Thétis lui fait ouïr un
concert de Sirenes. Богдановичъ:

Сирены, сладкія пѣвицы,

Межъ шѣмъ поютъ спихи ей въ честь,

Мѣшаятъ съ былью небылицы,

Ее стараясь превознесъ.

— — — — —

Сама Оешида ихъ послала

Для малыхъ и большихъ услугъ,

И только для себя желала,

Чтбъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Оеппида рада веселишь Венеру, но съ шѣмъ условіемъ, чшобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ презубцемъ своимъ! —
Лафоншенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Venus, se joue à ses cheveux;
Contre ses vêtements par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse]
Et d'une egale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mere d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Русскіе еще игривѣе и живѣе:

Леплять обратно бѣглецы,
Зефиръ, древни паглецы.
Ипой власы ея взвѣваешъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Переспаешъ на время душъ,
Власы съ досадою опускаешъ,
И съ ними спущавшись лепишь.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкающъ въ ревности другъ друга,
Чшобъ вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смирению пасшъ къ ея ногамъ.

Такъ Стихошворцы съ шаланпомъ подражающъ. Богдановичъ не думалъ о словахъ Лафоншеновыхъ, а видѣлъ передъ собою шестивіе Венеры и писалъ каршину съ напуры.

Чшо Французъ оспроумно говоритъ прозою,

то Русской не менѣе оспроумно, и еще милѣе
сказалъ въ стихахъ. Всѣ любовники ошавля-
юшъ красавицу. Народъ приходишъ въ ужасъ
отъ небывалаго чуда, и Венера грозитъ го-
сударству еще новыми бѣдствіями, есѣли
не принесушъ ей въ жершву самой Душень-
ки. . . .

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на ошказъ,
Ошвѣспивовали смѣло,
Что шо не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олшаръ;
Другіе снали горько плакашъ;
Другіежъ не дослушавъ шакашъ,
Когда лишь слово скажешъ Царь;
Иные Душенькѣ въ ушѣху говорили,
Что шоль особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда къ спыду богинь ее богошворили;
И что Веперы къ ней и ненависшъ и месшъ
Ея умножашъ чесшъ.
Царевнѣ жъ шѣ слова хошя и лесшны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордосши она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но вшайцѣ часто ушывала,
Себя пещасшной называла,
И часшо въ горесшныхъ слезахъ
Къ Амуру шакъ взывала:

«Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
«Зачто ко мнѣ суровъ и спрогъ?
«Давно ли всѣ меня ласкали?
«Въ побѣдахъ я вела часы;
«Могла плясать, любить по волѣ:
«Зачтожь теперь въ несчастной долѣ?
«Къ чему полезны мнѣ красы?
«Бѣднѣйшая въ поляхъ паслушка
«Себѣ находить паслуха;
«А я одна — —,
«Не бывъ дурна, не бывъ лиха!»

Сія жалоба Душеньки опмѣнно любезна своею проспопою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный опвѣтъ Оракула лучше выраженъ во Французскихъ стихахъ. Опчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему опцу, желая предаться въ волю таинственной Судьбы, также совершеннѣе и прогательнѣе въ Лафоншенѣ. Онъ рассказываетъ прозою: одно легче другога. За то нѣкопорыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафоншенова Псиша говоритъ: *Qu'on me mette sur un chariot, sans cocher ni guide; et qu'on laisse aller les chevaux à leur fantaisie: le sort les guidera infailliblement au lieu ordonné.* Спойтъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ вупь ее какъ должно спарядили,
И въ колесницу посадили,
Пустя на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ возжей.

«Судьба, сказала, будетъ править;
Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
Гдѣ должно вамъ меня оставить.»

Вотъ славное преимущество языка Поэзіи!
Если Стихотворецъ умѣетъ побѣждать
трудности и ставитъ каждое слово въ сво-
емъ мѣстѣ, то самыя простыя выраженія
ощутѣнно направляясь, и прозаическія далеко наза-
ди отпадаютъ.

Ужасы Душенькина путешествія изображе-
ны во Французской сказкѣ какъ дѣйствитель-
ные ужасы, а въ Русской съ пріятною шушли-
востію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали повой страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ безднѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;
Инымъ лепучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы.
- - - - -
Царевнина кровавъ
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе опъ страха тушъ
Не мало шапокъ поропяли,
Копоры на подхващъ драконы пожирали.
Иные по кушамъ одежды изодрали,
И нагошы имѣя видъ,
Едва могли прикрытъ опъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько будавокъ
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно бышь въ весьма дурномъ располо-
женіи , чшобы не засмѣяшся опъ двухъ по-
слѣднихъ стиховъ. Мы не жалѣемъ, что Сши-
хопворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному
описанію каррикатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ
Лафоншенъ Купидоновъ дворецъ, сады, услуж-
ливосъ Нимфъ, но проза его не дѣлаетъ мнѣ
такого удовольствія, какъ слѣдующіе стихи
Богдановича :

Явился передъ ней
Прекрасный видъ аллей
И рощей и полей.
Высокіе балконы
Открыли царство шамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Отпуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чершогы,
Какіе созидашь удобны только боги;
И тамо Душеньку, къ прохладѣ опъ дороги,
Въ гошовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали:
Зефиры воздухъ шамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ аромашъ вздували пузыри,
И соспавляли мыла,
Какими моюшся восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила.
Царевна со сныдомъ
Со споромъ и прудомъ,
Какъ водилъ при шомъ,
Взиралъ на обшвы,
Какія были шамъ на выборъ ей гошвы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.

Полки различныхъ слугъ, предъ шѣмъ опдавъ поклонъ,
Безъ горя не могли опшуда выпши вонъ,
И даже за дверьми, не будучи въ услугъ,
Охотно следъ ея лобзали на досугъ.
Зефиры лишъ одни, имѣя входъ вездъ,
Зефиры хищные, за шѣмъ, чшо роспомъ мелки,
Нашли въ дверяхъ и окнахъ щелки,
Прокрались между Нимфъ и спряпались въ водъ,
Гдѣ Душенька купалась.

Богдановичъ, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, соспавилъ оркестръ свой лучше Лафоншена, и велѣлъ даже, весьма ксшапи, невидимо управляющъ имъ самому Аполлону; но жаль, чшо хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повшорилъ на Русскомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardins et fontaines
N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes coeurs c'est le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказашельствво, чшо Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ бытъ иногда скромными, и Французъ и Русской не хопѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній опдѣлался опъ чшашелей пріятною шушкою, говоря, чшо эша сцена осталась навѣки тайною между супругами. . .

Но только поушпру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ шишкомъ,
И гостья, будучи спыдлива опъ папуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палапъ съ ихъ драгоцѣнно-
стями я люблю спашую Душеньки. . .

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая спашуя казалась въ пей тогда,
Какой не видывалъ никшо и никогда.

Черша прекрасная! взята съ Французскаго
(elle demeura longtems immobile, et parut la plus
belle statue de ces lieux); но выраженная въ
спихахъ, болѣе нравишся. . . Люблю также
разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щипомъ преспрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозить на лошади,
И боль, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сашурна,
кошорый

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый спанъ, желяетъ бытъ моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣшь Душеньку вздѣваетъ опъ очки.
А шамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за чесъ и красоту
Амуры шамъ сердца спрѣляютъ на лешу;
Лешащъ великою шолпою;
Лешащъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войпою;

А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являешъ тихой правъ,
Полей не обагрятъ кровью,
И наконецъ, зыбывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея пылаешъ къ ней любовью.

На прешней картинѣ Зефиръ списываетъ
съ нее портретъ; не боясь нескромности,

Скрываетъ въ списокъ онъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю обращеніе Поэта къ
красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣша,
Паспушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣша;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Просто и такъ мило, что, можешь быть,
никакое другое мѣсто въ Душенькѣ не дѣла-
етъ въ читателѣ столь пріятнаго впечат-
лѣнія. Всякому хочется сказать сіи нѣжныя,
прекрасныя стихи той женщинѣ, которая
ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній
стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не
пеняемъ Автору, что онъ не хочетъ далѣе
описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плыяло взглядъ

И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и попомъ
Палаты забываю.

Но съ палашами Спихотворецъ забылъ и
хозяина; забылъ, между поршпрешами, упомя-
нуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ
Душеньки, Амуръ долженъ былъ показаться
ей хотя на каршинѣ. Лафоншенъ предста-
вилъ на обояхъ разныя чудеса Купидоновы:
на примѣръ, ужасный хаосъ, приводимый его
рукою въ стройность. . . .

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de mystere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичъ сказать
это въ Русскихъ стихахъ! какъ бы хорошо
могъ, слѣдуя Лафоншену, описать приспущы
любопытной Душеньки къ невидимому Амуру
и его отговорки, столь остроумныя! *Necessai-
rement je suis Dieu ou je suis Démon. Si vous trou-
vez que je suis Démon, vous me hairez; et si je suis
Dieu, vous cesserez de m'aimer ou du-moins vous ne
m'aimerez plus avec tant d'ardeur: car il s'en faut
bien qu' on aime les Dieux aussi violemment que les
hommes.* Но Поэтъ нашъ, какъ Поэтъ, не лю-
билъ закона и принужденія; хотѣлъ брашь не
все хорошее въ образцѣ своемъ, а что слегка
и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ, пою.

Довольно, что Богдановичъ, проходя иногда мимо красотъ Лафонпеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колошь — даже кровныхъ своихъ, по еспѣ Спихотворцевъ. Вводя Душеньку въ Амурову библиотеку, онъ говоришь:

Царевна тамъ взяла чипашъ стихи;
Но ихъ чипаючи какъ будто за грѣхъ,
Узпала въ первый разъ мушкетельную скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, припомъ зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ шворецъ,
Указомъ Аполлона
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ *скукъ* *,
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не чипала,
Хотя любила ихъ и пѣкогда слагала.

Сей несчастный, согнанный съ Геликона, былъ конечно не похожъ на Богдановича, котораго Душенька съ удовольствіемъ могла бы чипашъ даже и тогда, какъ онъ съ пѣшническою искренностію описываетъ лукавство ея въ гибельную ночь любопытства. Злые сестры уговорили ее засвѣпить лампаду во время сна Купидонова. . . .

* Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

Прекрасна Душенька употребила тушь
И хитрость и приторство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онъ, дѣла имѣя по почамъ,
Скорѣ какъ нибудь покой даюшъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну онъ дѣйствія печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Эпо наминаешъ одинъ изъ славнѣйшихъ
спиховъ въ *Lutrin* и споишъ десяти прозаи-
ческихъ спраницъ Лафоншеновыхъ.

Въ описаніи Душенькиныхъ бѣдспвій нѣко-
порья черты также гораздо щасливѣе у
Богдановича; на примѣръ, прогашельное обра-
щеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твоя сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже прошекъ;
И естли смерть тебя онъ бѣдспвій не избавишъ,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божеспвомъ,
Опнытъ въ скорбь тебѣ наполненъ будешъ зломъ,
И всюду горести за горестями предспавишъ.

Къ несчастію тебя оставилъ Купидонъ.

Твой рай, твои утѣхи,

Забавы, игры, смѣхи,

Прошли какъ будто сонъ.

Вкусивши сладости, кто въ міръ ихъ лишился,

Любя съ любимымъ разлучился,

И радости себѣ уже не чаешъ впредь,

Легко почувспвуешъ, безъ дальнѣйшаго слова,

Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтеномъ всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляешь опѣ себя еще одинъ, не весьма пѣшическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ спунила
И къ вѣшви свой плапокъ какъ должно прицѣпила,
И въ пещлю Душенька головушку вложила.

О чудо изъ чудесъ!

Попрясся долъ и лѣсъ;

Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтениемъ къ ея прекрасной головѣ

Пригнулся такъ какъ пруть — — —

И здраву Душеньку поставилъ на правѣ;

И вѣшви всѣ шогда, нанизъ влекомы ею,

Иль сами волею своею,

Шумѣли радостно падъ нею,

И соединяючи концы,

Свивали разны ей вѣнцы.

Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,

И Душенькинъ покровъ въ верху остановился;

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію
Поэтовъ; спрогѣ люди давно осуждаютъ
ихъ, но снисходительные многое извиняютъ,
если воображеніе неразлучно съ остроуміемъ
и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы
и лѣса, видя чудо, восклицали, что Душенька
всѣхъ на свѣшъ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ!

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька
прошла *сквозь огонь и воду*, и для того онъ
заспавляеиъ ее бросишься въ пламя, когда
Наяды не дали ей ушонуть въ рѣкѣ. . .

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила;
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ попухъ;
Оспался только лишь пошребный шеплый духъ,
За шѣмъ, чшобъ пожки шамъ Царевна осушила,
Кошорья въ водѣ не давно замочила.

Эшо смѣшно, и разсказъ имѣеиъ всю шоч-
носпъ хорошей прозы. — Лафоншенъ, для
разнообразія своей повѣспи, вводишъ испорию
Философа-рыболова: въ Душенькѣ она могла
бы только остановишъ быспрошу главнога
дѣйствія. Сказки въ стихахъ не шребуюшъ
множества вымысловъ, нужныхъ для живоспи
прозаическихъ сказокъ. Богдановичъ упомина-
еиъ о спаромъ рыбака единспвенно для шо-
го, чшобы Душенькѣ было кому пожаловашься
на ея нещасшя. . .

Ты помнишъ бышность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мѣрѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣшъ спюишъ съ начала,
Вспрѣчалось ли когда кому
Нещасшя равно моему?
Я рѣзалась и въ пешлю клалась,

Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огонь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Прошивъ желанія живу
И щещно смерть къ себѣ зову.

— — — — —
Но кто ты? старецъ спросилъ.

«Я Душенька — люблю Амура.»

Послѣдній стихъ прекрасенъ и прогашеленъ,
не смотря на шупливый понтъ Авшора. —
Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ пере-
кресткахъ взято съ Французскаго, но гораздо
смѣшнѣе на Русскомъ:

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ спыдѣ хвалилъ;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачнѣе передъ собой достоинство бѣдилъ;

— — — — —
Она же Душенька, имѣя спройный спанъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;

— — — — —
Она же взорами сердцамъ швора изъянь:
— — — — —

Того или инаго ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвѣ на нсе своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи Душеньки къ богинямъ всего
забавнѣе представлена важность Минервы,

кошорая, занимаясь астрономическими наблюденіями и хвостами Комешъ, съ презрѣніемъ говоришь бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки споялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человекъ;
А паче какъ хвостомъ Комеша всѣхъ пугаешь,
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичъ хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, кошорые около 1775 году, естли не ошибаюсь, пугали людей опасностію Комешы. Но должно признайся, что о ревливой Юнонѣ Лафоншенъ говоришь еще забавнѣе Русскаго Сшиховворца. Вотъ его слова: «Паспушкѣ «нашей не шрудно было найши Юнону. Рев- «ливая жена Юпишерова часто сходишь на «землю, чшобы освѣдомляшья о супругѣ. «Псиша вспрѣшила ее гимномъ, но воспѣла «одно могущесшво сей богини, и шѣмъ испор- «шила дѣло свое. Надобно было хвалишь ея «красошу, и какъ можно усерднѣе. Царямъ «говори объ ихъ величіи, а Царицамъ совсѣмъ «объ другомъ, естли хочешь угодишь имъ. «Юнона опшвѣчала, что должно наказашъ смер- «шныхъ прелесшницѣ, въ кошорыхъ влюбля- «юшся боги. За чѣмъ они шаскаюшся на землю? «развѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ краса- «вицѣ?» Богдановичъ шушишь шолько на щешъ Юпишеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафоншенъ шонѣе. Но скоро Поэшъ нашъ беретъ верхъ, описывая ошибку людей, кошорые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ кресшьянскомъ

плашь, щитають ее богинею и шепчуть
другъ другу на ухо:

Венера здѣсь шайкомъ!
Венера за сполбомъ!
Венера подъ плашкомъ!
Венера въ сарафанъ!
Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ паспущкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риму пре-
красно выражаютъ быспрому народныхъ
словъ. И съ какимъ любезнымъ протосерде-
чіемъ говорятъ Душенька раздраженной Вене-
рѣ,

Кольна преклоня:

Богиня всѣхъ красотъ! не съсуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла.
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся всегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упаси передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичъ поступилъ также гораздо ми-
лосивѣе съ своею Героинею, нежели Лафон-
тенъ, который заставилъ Венеру немилосер-
до съчь ее розгами! Какое варварство! Русская
Душенька *служитъ* только трудныя, опасныя
службы богинѣ, совершенно въ тонъ Русскихъ
старинныхъ сказокъ, и прекрасно; идетъ за
живою и мертвою водою, къ змѣю Гарыничу,

и такъ хорошо, съ женскою хитроспѣію, ублажаетъ его;

О змѣй Гарыничъ, Чудо-Юда!
Ты сыпъ во всяки времена;
Ты роспомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власпъ;
Блеснишь злыми чешуями,
И смѣло разъваешь паспъ,
И можешь всѣхъ давить когтями!
Пуспи меня, пуспи къ водамъ!

Богдановичъ, приводя Душеньку къ злему Кашею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авшоръ уже довольно выдумывалъ, спѣвши къ концу, опдохнувши на миршахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Таршаръ несравненно лучше Лафоншена. Какъ скоро Душенька показала намъ ногу свою, все зашихло. . .

Церберы переснали лаятъ,
Замерзлый Таршаръ начгль шаятъ.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смушился пишипою вдругъ:
Возвысилъ вокругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ. . . начавши рѣчь, зашнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичъ, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не красавицъ.

Замѣшивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щастливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чувствительный къ красотамъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Богдановичъ *первый* на Русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли бытъ для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что Душенька единогласно была прославлена всѣми любителями Русскаго Стихотворства? Шестъ или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. Екатерина царствовала въ Россіи: Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло бытъ для него лестнѣе? Знашныя и придворныя, всегда ревностныя подражатели Государей, спарались изъяслять ему знаки своего уваженія, и швердили наизустъ мѣста, замѣченныя Мо-

нархинею. Тогдашніе Спихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы въ честь и славу шворца Душеньки. Онъ былъ на розахъ, какъ говоряшъ Французы. . . Но многія блестящія знакомства опвлekli Богдановича отъ жершвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта * — и вънокъ Душеньки осшался единшвеннымъ на головъ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однакожь любители дарованій не перешпанушъ жалъшъ, что Поэшъ нашъ имъ удовольшвовался и не захошълъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастію, что авторское славолюбіе можешъ имѣшъ предѣлы! Правда, что Богдановичъ еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будшо бы не-хотя, или въ дремошъ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэшъ, любя свою Душеньку, хотълъ оставишъ ей честь бышъ единшвеннымъ, изящнымъ твореніемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображеніе Россіи*, часть I (опышъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный) — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму *Славяне*, и двѣ маленькія театральныя піесы изъ Русскихъ пословицъ. Сама Екатерина ободряла Богдановича писашъ для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожаловала ему табакерку за *Радость Душеньки*, а за Драмѹ *Славяне* першень. Въ первой ешъ забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшишъ своимъ

* Ему тогда было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

божественнымъ прососердечіемъ; а во второй двадцати-пяти-лѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государынѣ, Которая навѣки основала ихъ благоденствіе, пронуло въ представленіи всѣхъ зрителей: ибо сію Драмму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествіи на пронѣ Ек а-те-ри-ны. — Исполняя также волю сей Мо-нархини, онѣ издалѣ Русскія пословицы, въ копорыхъ сохранились драгоцѣнные оспашки ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя понятія о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянушь о мелкихъ его стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ: нѣкошорыя изъ нихъ ошличающся замысломъ и вкусомъ. — Но ни кошорая изъ пріятныхъ бездѣлокъ Богдановича не была шакъ извѣстна и славна, какъ его пѣсня: *миѣ минуло пятнадцать лѣтъ*. Она сдѣлалась народною, и донынѣ — не смощря на множество новыхъ любимыхъ пѣсенъ — сохраняешъ свое достоинство. Въ ней естъ истинная *затѣйливостъ* и нѣжная проспоша, копорыя равняющъ ее съ лучшими Французскими пѣснями. Чшо можешъ бышь проспѣе и любезнѣе слѣдующихъ куплетовъ:

«Далабѣ ему я посохъ свой:
Миѣ посохъ надобенъ самой;
И чшобъ звѣрей остерегаешься,
Съ собачкой миѣ не лѣзя разспашься.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дамъ ему я рада,
Когда бы не считали сшада.»

Пастушка говоритъ тогда:
«Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убышка сшаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!»

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь Екатерины, Вольперовы, Мармоншелевы, и проч. Сии Поэты умѣли хвалишь Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичъ не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заспавляетъ говоритъ Мармоншеля на Русскомъ языкѣ :

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала
Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ своихъ начашки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣніи народу
Осталось имѣшь едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольперъ, подобно какъ и въ оригиналѣ, по важенъ, по забавенъ, говоря :

И гдѣ Великій Пётръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала Героевъ. . .

— — — — —
Трудишься день и ночь возспавишь всѣхъ покой,

И межъ прудовъ ко мнѣ писахъ находить время.
Тогда же Мустафа, гордась предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственной дышетъ,
Зѣваешь въ праздности, не мыслишь ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишеть!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ определенъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санкт - Петербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдательствомъ его, а въ 1795 опсшавленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ. — Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина неостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ спранамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не превозжили ея спокойствія. Мирная совѣсть, пятьдесятъ лѣтъ проведен-

ныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести; крошкая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человека: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авшоровъ избранныхъ, обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу, самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкошорыхъ лѣтахъ, были щасіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они въ мысляхъ послѣдніе дни свои въ міръ, дни отдохновенія и покоя! . . . Но

Приспанища въ семь міръ пѣшь! . . .

Здѣсь должны мы оспорожно повторить извѣстіе неясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ десятилѣтій жизни испыталъ всю силу романической спраси, забавной въ глазахъ молодаго свѣтскаго Адониса, но прогательной для человеколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шумить надъ старикомъ Селадомъ; но для особенной и случайной привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо, и взоръ чувствительной женщины изъясляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкошорымъ образомъ справедливое въ человекѣ достойномъ; имя дружбы, кошорымъ часто закрываемъ любовь ошъ самихъ себя; надежда бытъ — ешъли не пре-

лестнымъ, то хотя пріятнымъ, и нравишься самымъ шѣмъ, чтобы не думаешь нравишься — заводяшь иногда и не-Поэшовъ весьма далеко. . . . Не знаемъ обстоятельствъ ; но кто , и зная ихъ , могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ. . . . Какъ остаться въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и неожиданныя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ антиподомъ любви, но жестокимъ! . . . И всякая сильная переменна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни , и когда Нашура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнишь пошлостью облегчаетъ ее въ молодости; но льща опнимають у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ суроваго разсудка, который запрещаетъ даже и жаловаться на судьбу! . . . Мысль о послѣднихъ годахъ нашего любезнаго Спихотворца печальна для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — Александръ восшелъ на тронъ; и когда всѣ Патриоты съ радостными надеждами устремили на Него взоры, Богдановичъ взялъ лиру,

уже давно имъ оспавленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой Ека^{те}ринѣ: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичъ занемогъ, бывъ всегда не крѣпкаго сложенія; помился чешыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любившей Русской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой, масшишой старости, кошорая бываешь послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ спранникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорящъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его швореніяхъ; однакожь мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у шѣхъ людей, кошорые лично знали Авшора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалящъ его свойства, шихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, кошорую онъ сохранилъ до старости, и кошорая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичъ даже рѣдко говаривалъ о Поэзіи и Литшераатурѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Крипики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою сшрого-

спію могла бы совершенно отврашпть его
опъ Авпорспва.

Друзья Богдановича — копорыхъ онъ , од-
нажды нашедши, не терялъ никогда — а еще
долѣе любпшели Русскихъ таланшовъ сохра-
няшъ его памяшъ: ибо творецъ Душеньки бу-
дешъ извѣспенъ попомспву — какъ Спихо-
творецъ пріятный, нѣжный, часто оспро-
умный и замысловапый.

г. 1803.

О ВѢРНОМЪ СПОСОБѢ ИМѢТЬ ВЪ
РОССІИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ.

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣряшъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радующа намѣреніемъ его какъ дѣломъ, и — мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій — лепяшъ мыслію къ щасливому исполненію плана; другіе шрясунъ головою при всякой новой идеѣ челоѣколюбія, пошчасъ находяшъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляющъ ихъ на классы и спашъ, улыбающа и заключающъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ ни мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безприспращія согласимся, что первые не рѣдко обманывающа; согласимся даже, что вторые чаще бывающъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, естли бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатель, шворцы государственнаго блага, не сіяли бы тогда въ Исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по шрудностямъ, которыя они преодо- лѣвающъ.

Такимъ образомъ и сей новый Уставъ просвѣщенія, которымъ утѣшаются добрые Патриоты, можешь иному флегматическому Скептику представишь великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: «гдѣ Россія будешь находишь столько учищелей, сколько ихъ нужно для Уѣздныхъ и Губернскихъ школъ по новому образованію? кѣмъ наполнятся Педагогическіе Институты? можно ли надѣяться на довольное число охотниковъ?» Ошвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можешь быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои *донынѣ* выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Русскими, которые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ опечесивенной. Другіе учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей благотѣльности выходили хорошіе Студенты, Бакалавры, Магистры, Профессоры. Обязанные нравственнымъ бытіемъ своимъ Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состояній, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали

на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣяніями оживитъ сей Институтъ, то Россія будетъ имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни прѣшней части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захопаятъ иппи симъ пушемъ! сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ! Жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ чловѣка, воспитаннаго въ незнаніи приходей. Онъ же можетъ имѣть и поспороніе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія будутъ на дѣлѣ изъявлять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія за особенное усердіе и способность въ отпращиваніи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсію. Какое щастіе для чловѣка, которой родился въ бѣдности и могъ

быть тягостію для злополучнаго отца, если бы благотворительное Правительство не взяло на себя его воспитанія! Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянія. Народный учитель есть конечно, какъ говорится, не великой господинъ; но малочиноვნость бываетъ оскорбительна для самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частыхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе замѣчаніе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ гордость школьнаго мастера вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны несчастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ распоряженіе Правительства; бѣдные господа служатъ во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгоды своего особеннаго состоянія, а не для успѣховъ самой Науки — не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ.

Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свисокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но есѣли и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и снартѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на Профессорскую кафедру? хотя — признаюсь — я душевно бы обрадовался первому феномену въ семъ родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человекъ можешь гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богачествъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человека. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленія: какъ же благородно ученое сословіе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, и приближать щастливую эпоху порядка, мира, благоденствія! . . . Но я долженъ извиниться передъ читателями: такія мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что есѣли въ Москвѣ и въ каждомъ учебномъ округѣ Россіи будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или

15 лѣтъ Университетскимъ Правленіямъ остаются только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей. Патриотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не опягощать казны издержками. Благодареніе есть потребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерднѣе. Человѣколюбивыя намѣренія Монарха явно дѣйствуютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропія*; вездѣ ходятъ общепользныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ Правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честью и славою способствовать ему въ его священныхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, Оно всего болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ щасливы и въ собственныхъ изобрѣшеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей. Уже патриотизмъ готовъ, дерзну сказать, удивить Россію своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не позволяетъ намъ еще произнести имени. Исторія нашего отечества доказываетъ, что многіе Русскіе имѣли славу быть *первыми* въ блестящихъ дѣлахъ добра, но никогда не оставались безъ подражателей; наше время безъ сомнѣнія не представитъ исключенія.

Естьли мы, усердно прославляя знаменитыхъ благошворителей Россійской учености, не имѣемъ способовъ равняться въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло идти къ жертвеннику опечеснѣва и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богатой человѣкъ достойно славится шѣмъ, что его благошворительность воспитываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслию, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, дастъ хотя одному сыну бѣднаго мѣщанина средство учишься и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодѣяніе такого роду безконечно, и слѣдствія его переживутъ нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на современниковъ, дѣйствуетъ и на потомство, которое не особеннымъ откровеніемъ, а нашими мыслями и свѣдѣніями должно просвѣщенъ-ся.

Московскіе Дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодѣяніемъ Университета — гдѣ они или сами учились или участь дѣшей своихъ — не захотятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? не захотятъ ли присвоить ему славы надѣлять Россію учителями, а другіе Университеты Профессорами? Для сего (повторяю) надобно только умножить число народныхъ или государственныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназіи; и тогда Ректоръ Университетской, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ

огромныя залы училища, скажешь ему: «вошь питомцы щедрого Московскаго Дворянства!» Съ какимъ удовольствіемъ сіи государственныя благошворители видѣли бы успѣхи молодыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ питомцемъ и гордился бы его опличіемъ. Содержаніе ученика стоить въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можемъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щасливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердецъ, веселыя лица, чувствительность Русскихъ къ добру, вселяющъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ челоуколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождатся. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства прогашельны для всякаго, еще не мертваго душею. — Разныя обстоятельства измѣняли нашъ проспой, доброй характеръ, и запытали его на время: видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Папріотовъ, въ которыхъ истинная Русская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на гласъ отечества, когда онъ несется съ прона.

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

=

Кровопрولیтіе, мяшежи и бѣдспвія сосна-
вляють главную и, къ несчастью, любопыт-
нѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но
Исторія нашего опечесства, подобно другимъ
описывая жестокія войны и гибельные раздо-
ры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ
Власпей законныхъ: что служитъ къ великой
чести народа Русскаго. Онъ, кажешся, всегда
чувствовалъ необходимость повиновенія и шу
испину, что своевольная управа гражданъ
есть во всякомъ случаѣ великое бѣдспвіе для
государства. Такимъ образомъ народъ Москов-
скій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ
Царя Ивана Васильевича, всѣ неисповства
его Опричныхъ, копорые, подобно шайкѣ раз-
бойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ
въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно
приносили жалобу, не находили защиты, без-
молвствовали — и только въ храмахъ Царя
Царей молили Небо со слезами пронуть, смяг-
чить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляешся Историкъ Россіи,
когда царшвованіе Государя добраго, милосер-

даго, народолюбиваго, представляеть ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа. . . Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Русскихъ писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляеть для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдснвенномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрные.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ прогашельною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоуспроеквомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ несчастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Папріарха Филарета, который былъ испииннымъ Геніемъ-хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистію, корыстолюбіемъ и приспраспиемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Году-

новъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой полишки сего великаго человека, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнувъ къ средствамъ хитроспирни низкой: удалилъ онъ Двора многихъ знаменитыхъ Папріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы *, разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и приспрасилъ его къ охотѣ, чтобы отвести онъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитроспей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь тишломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Меншора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судящъ жестоко, ибо судією бывающъ зависшъ, которую трудно обезоружить и добродѣтелию. Морозова уважали, но не шerpъли: Бояре за его самовласшіе, а народъ за разныя новыя подаши и ошкупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на

* Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: нронъ дорого спонлъ его доброду сердцу.

соль и ошдасть ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Числову, и чпо первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собспвенной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительсство запретило употребленіе неклеймённыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едвали основательныя *, не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичъ Милославской хопя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тесшемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣянiями и возведенный на степень Боярина, онъ спарался обратишь милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, копорые скоро заняли важнѣйшія мѣста государспвенныя. Морозовъ охотно способсвовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ

* За пудъ соли плащили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла бытъ пятоснна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клеймённыхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, плаща въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ граждапъ, чпо они спали гораздо меньше покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ недосоленія.

завидовать богатымъ, съ переменною судьбы своей не переменялись душою: хопѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шурина его Траханіоновъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣришь рассказамъ о дѣлахъ сего человека *. Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ спражу, заключалъ въ шемницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Траханіоновъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Траханіоновъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться. Сими бѣдными людямъ съ ихъ семейства-

* Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

ми оставалось умереть съ голоду. — Напрасно упѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, копорые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила пріучило ихъ къ царству милости и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Траханіоновъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго *. Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной переменны своего жребія.

Народъ толпился на Красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ цер-

* Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новой.

квами, совѣшусь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хопѣть народнаго успѣснаго? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и счастье. Личное благо людей, самыхъ знапнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть пропивно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Русскимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвращенія мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію пучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе власишелей бываетъ всегда предсечею государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укропить народъ отсжавкою Плещеева и Траханіюшова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и своихъ родственниковъ явно признавъ недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія быва-

юшъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не лѣзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году *, въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, опслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился. . . Граждане молили его быть отцемъ своего народа; рассказали все, что они терпяшъ отъ судіи несправедливаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чптобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго чело-вѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ и милосивно отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громгласно изъявилъ благодарностъ Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

* То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ пресшупникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недоспойнаго; желалъ единственно опсшавки Плещеева: не претбовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи? . . . Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзосшію — даже били ихъ, топтали лошадьми. . . . Тутъ искры бунта воспымали. Граждане забыли власшь законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Спращный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Спрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ пребуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева. . . . Бояринъ Морозовъ выходитъ на Красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщаль имъ правосудіе и сдержитъ слово свое. . . . Напрасно; мятежники кричатъ ему: «намъ и тебя надобно; мы хотимъ и

твоей головы!». . . . Едва онъ могъ спастись
отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они
бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; от-
били ворота: умертвили вѣрнаго слугу, ко-
шорый хотѣлъ имъ прошивишься, и ворва-
лись въ горницу, гдѣ была супруга Бояри-
на. . . . Сія женщина, молодая и прекрасная,
ожидала вѣрной смерти отъ неисповѣдъ; но
они не пронули ее и сказали: *благодари Бога,*
что Царица сестра твоя! . . . Такимъ обра-
зомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ
уваженія къ Царской фамиліи. . . . Въ нѣ-
сколько минутъ домъ Боярина былъ разграб-
ленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ков-
ры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и чер-
ныя лисицы изорваны на части; мышки съ
ефимками высыпаны на полъ, серебряная по-
суда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ вы-
носили въ шапкахъ и за ничто продавали. Гра-
бители дерзнули даже прикоснуться и къ свя-
тынь образамъ и сняли съ нихъ богатые ризы;
извѣстно, что въ старину сіи драгоценныя
оклады составляли въ домахъ главное украше-
ніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова
Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ,
окованный серебромъ и внутри обитый золо-
тою парчею съ собольею опушкою: народъ
изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по
словамъ одного иностраннаго Писателя, обра-
тился въ колодезь: Нѣмецкія и Фряжскія вина
лились изъ разбишихъ бочекъ.

Мяшежники, опустошивъ домъ перваго

Боярина, раздѣлились на многія толпы: одни пошли къ Думному Дьяку Числову, ненавистному въ столицѣ за соляной ошкупъ; другіе къ Плещееву, Траханіюшову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никишѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслись бѣгствомъ; но Числовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался *: невѣрный слуга указалъ его мяшежникамъ, которые пирански умертвили несчастнаго и бросили на дворъ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знаменъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, гордый въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣщавать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасающіе ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять

* Подъ стѣнками, говоритъ Олеарій.

народомъ, пошъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія. . . Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшимельность. Онъ велѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Кипаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремль войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но шутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ идти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собрались вѣрные Бояре, гошове умереть за Царя и опечесство. Знаменѣйшій между ими былъ Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человекъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Папріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо

всѣ знашныя и незнашныя любили сего имениаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностию лѣтъ расположенный къ средствамъ крошкимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ. . . Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую Боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу *, который, окруживъ его толпами, кричалъ : *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъяснилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе ; что Государь въпорочно даетъ имъ слово казнить всѣхъ народныхъ приѣзжениелей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ. . . . Народъ ошвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещевъ и Траханіоновъ, не будутъ ему выданы и наказаны. . . Никиша Ивановичъ Романовъ изъясняетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Траханіоно-

* Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ спорожайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

ва нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ пребуеетъ Плещеева. Бояринъ общаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....

Здѣсь Русскій Испорикъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣшивъ, что оно было уже несогласно съ государственнымъ благомъ, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власи, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Спрѣльцовъ и рошны иностранцы, съ повелѣніемъ разсѣять мяшежниковъ, если они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и другіе также, если они будутъ пойманы. . . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ опворились Кремлевскія вороша, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго: палачъ велъ его; судья уголовный держалъ въ рукъ приговоръ къ смерти. Мяшежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію растерзали человека, нѣкогда для нихъ спрашнаго. . . . Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Траханіоновымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на

нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня. — Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускокалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мяшежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказашъ его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мяшежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возспановилась пишина въ городъ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмишровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный пишейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ. . . Кишай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ,

нѣсколько иносѣранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое печеніе пламени. Вдругъ видяшъ они монаха, копорый съ великимъ усиліемъ тащилъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ не лѣзя остано- вить пожара.* Иносѣранцы не хотѣли сдѣ- лать того; но мальчики, шутъ бывшіе, схва- щили шрупъ и бросили въ огонь, копорый въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ га- снуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію *. Ми- лославскій, спасенный опъ народной злобы до- стоинствомъ Царскаго шестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать на- родъ и снискивать любовь его. Патриархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи вла- стямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Траха- ніюпова заняли чиновники достойные, извѣ- стные столицѣ по ихъ любви къ справедли- вости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жи-тели Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъяслялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и

* То есть, Спрѣльцовъ.

рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище , котораго описаніе останется навѣки прогашельнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердець истинно-Русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу , что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля , сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ * . . . Граждане со всѣхъ сторонъ шѣсались къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что «Ему горестно было свѣдать все прешерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостоинные заслужили казнь, упохребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заскупившіе мѣсто Плещеева и Траханіютова , будутъ править и судить по уставу челоуколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ , будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми часами правленія ; что особенныя привиллегіи и монополіи немедленно уничтожашся; что прежняя цѣна соли восстанетъ»

* Олсарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

ляется; что выгода и благоденствие гражданъ сославяшъ единственнѣйшій предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ приобрести имя Ему любезное: имя отца народнаго» . . . Граждане низко поклонились Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ. . . . Тѣмъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, «что не находя его совершенно правымъ, не находилъ и во всемъ виноватымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надеясь, что они исполнятъ первую просьбу Его и просятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручается — заслужишь впредь любовь и дружбу ихъ; что если они не хотѣли видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ исключилъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человека, который былъ Ему въпорѣмъ отцомъ и наставникомъ» . . . Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онъ составилъ неизъяснимо трогательное заключеніе Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои! . . . Сердечное удовольствіе изобрази-

лось на лицѣ Монарха, до сей минушы печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признашельность; увѣщевалъ его бытъ крошкимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнишь ихъ. . . Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль. . . .

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхищительно. Дерзну сказать, что сія минуша была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двулѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минуша, въ которую Онъ столь разительнѣе доказалъ нѣжную дружбу Свою къ воспитателю, и священное уваженіе даннаго слова : ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, бытъ истиннымъ опцемъ народнымъ — сіи обѣщанія, подтвержденные Царемъ въ минушу живѣйшаго чувства признашельности, были конечно искренны и начерпаны во глубинѣ Его сердца! . . . мысль плѣнительная ! . . . Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности? . . . Историкъ спрогимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что

бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Опирая сладкія слезы свои, онъ скажешь, что здравая Полишика, основанная на опытахъ и знаніи челоѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утѣшенія мятежъ. Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того * Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около

* Въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, рассказывая дословѣрно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 числа Іюня. — Г. Голиковъ, положась на Ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ смертію многихъ мятежниковъ это несогласно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ въ угодность имъ казнить Плещеева, Траханиотова, — просить гражданъ чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ самихъ! Авторы Русскихъ записокъ мнимосердечною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ, или, лучше сказать, Переводчикъ его Миссін, сочинитель Ядра Россійской Исторіи: Онъ боялся унизить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не опличенъ отъ вѣпораго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благошворителемъ, и кшо вручалъ ему свою челобитную, шопъ могъ вѣрно ожидать успѣха, еспѣли дѣло его было право. Подобно Боярину Никишѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя шакже и покровителемъ иносшранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царшвовашъ Самъ Собою, часто присушсшвовашъ въ Совѣшъ и входилъ во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагашъся на Бояръ, кошорые для особенныхъ, ничшожныхъ выгодъ своихъ могушъ жертвовашъ благомъ государства, слѣдсшвенно славою и шасшѣемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдсшвія: скоро буншъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ швердыхъ и спшрогихъ.

г. 1803.

О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ РОССІИ.

=

24 Января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распроспраненіи Наукъ въ Россіи. Сей щасливый Императоръ — ибо дѣлашь добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуешъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу Его. Многие Государи имѣли славу бышь покровителями Наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательной, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можешъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ опечествѣ, Елисавета первый Университетъ, Великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается опнынѣ въ Исторіи нравственной образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываюшъ

только личною славою Монарховъ, не опечесива, не народа. Россія, сильная и щасливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжествъ просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдиши вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавишься отъ имени варваровъ. Не одно народное славолубіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа Патриотизма — не одно народное славолубіе терпишь отъ недосташка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаешь всякому дѣйствію благошворныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаешь силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и — однимъ словомъ — не позволяешь государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно бышь цѣлю истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко щастію ввѣренныхъ Ему милліоновъ, избираешь вѣрнѣйшее, единственное средство для совершеннаго успѣха въ Своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтитъ Россіянъ, чтобы они могли пользоваться Его человеколюбивыми успавами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полношъ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи Его славныхъ и великихъ Предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будутъ вѣчно сіять въ заглавіи Истории ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаешь Александръ, Который имѣетъ щастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ - надесятъ вѣкѣ. Небо оставило Ему славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя творенія. Папріюшы съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже много просвѣщенія, но еще не довольно; въ неизмѣримыхъ спранахъ ея мы находили милліоны жишелей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они еще не умѣютъ своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытомъ, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій.» Русскіе отвѣщивали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли — и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ шудолюби-

выхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и щасливо — шѣмъ щасливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе *; мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣшей поселянина, награждаемыхъ за прилѣжность къ учению; видѣли въ хижинахъ (не опшврашпцельныхъ, но опряшпныхъ и чпсшыхъ) книги и добрыя нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляють скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считають себя не жертвами его, а благополучными подобно другимъ соспояніямъ, копорыя всѣ должны шрудпться, хопя разнымъ образомъ, для пользы опечесшва и собспвенной. Русскіе Папріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человекъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывашь видомъ своимъ, а бышъ въ самомъ дѣлѣ человекомъ, вѣрили тогда, что опечесшво наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній опъ Трона въ разсужденіи государспвеннаго просвѣщенія; они желали ихъ — и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души Своей, исполнилъ ихъ желаніе. — Предупредимъ гласъ попомшва, судъ Испорика и Европы, копорая нынѣ съ величайшимъ любопышспвомъ смопришъ на Россію; скажемъ, что всѣ новыя за-

* Можно посшавпть въ примѣръ Швейцарскихъ, многихъ Нѣмецкихъ (особливо Голшпшпнскихъ) и Англійскихъ земледѣльцевъ, копорые имѣють бпбліотекп, сами работаютъ и богаты.

коны наши мудры и человеколюбивы, но что сей Успавъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости Монарха, Который во *всѣхъ* Своихъ подданныхъ желаетъ найти признашельныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и *всѣхъ* считаешь людьми.

Теперь Дворянство Россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ опеческву; доказать, что мы достойны такого Монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ опчаспи опъ патриотической ревности Дворянъ: они безъ сомнѣнія изъясняя ея *всѣми* возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ея названіемъ *безкорыстной*; но Небу угодно было во *всемъ* соединить съ нею награду, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ. Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага. Можемъ вспомнить нашу Испорію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ изъяслялъ удивительную привязанность къ Русскимъ Боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — опъ того, что Бояре пропагандельнымъ образомъ доказывали свою любовь къ опеческву, первые жертвовали имѣніемъ

и жизнию, забывали самую семейную вражду (которая была тогда во всей силе) и думали единственно о спасении России. Нынче, благодаря Провидению! времена спокойны, и мы не в печальной, но в радостной одежде можем служить опеческу или Александру (к счастью, великия имена Ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, Котораго человеколюбивая Полишка удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы в мирной тишинѣ жили только для удовольстворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу попомощва. Чье сердце не трогается сею великою мыслию, тотъ безъ сомнѣнія живетъ не въ свое время, и намъ оспается жалѣть объ его несчастіи; но о комъ изъ истинныхъ Дворянъ Русскихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратиться въ истинную злословіе многихъ чужестранныхъ Писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій, и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человеколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно

полезнѣе всѣхъ Лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метаматематиками въ свѣтѣ. *Исторія ума* представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе Морали, простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской *. Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благотворно! — Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго чело́вѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и мѣры крошечнаго понужденія уступятъ дѣйствию искренней охоты. Всего же болѣе оповѣщаюе за

* См. 32 статью Устава.

успѣхъ то, что мудрое наше Правительсво соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностію сельскихъ учишелей *.

Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго Устава ошанется (какъ мы сказали) заведеніе сельскихъ школъ; но онъ предсшавляетъ еще другія, великія пользы. Городскія школы, Гимназіи, Университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль ошдѣлила ученіе ошъ другихъ часшей государственныхъ, какъ сисшему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣштельная мысль; ученія мѣста должны зависѣть только ошъ ученыхъ — и Ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ пишомцемъ Наукъ, шѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ спараться ошъ ихъ успѣхъ. Довѣренность, изъ-являемая Монархомъ къ собранію Профессоровъ, копорые избираютъ своего начальника и правятъ не только Университетомъ, но и всѣми окружными Гимназіями и другими школами, еще болѣе возвышаетъ сей испинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ. Новыя выгоды и почести (право избранія есть великая), данныя ученому сосшоянію, большее число Профессоровъ и другихъ лю-

* Сташья 33.

дей, къ нему принадлежащихъ, опнынъ швердо и надежно основывающъ его въ Россіи.

Должно замѣшшъ еще двѣ важныя, новыя идеи Успава. Великая Екатерина знала необходимость образовашъ собственныхъ учштелей для государства, которому назначено просвѣшшсья — и мы имѣли уже нѣкоторыя педагогическія заведенія; но Кандидаты сего важнаго сосшояніа людей рѣдко оставались въ ихъ званіи, находя въ другихъ болѣе личныхъ выгодъ. Теперь мудрый Законодатель взялъ мѣры для опвращенія сего великаго зла: Кандидатъ педагогическій долженъ по крайней мѣрѣ 6 лѣшъ бытъ учштелемъ, чшобы перейши въ другую службу *. Ободренія, назначаемя для шѣхъ, которые опличашся въ сей должности, могутъ шакже имѣшъ весьма полезныя дѣйствія **; сверхъ того всякой изъ нихъ по достоинству награждаешся пенсіею ***. Вшорая великая идея ешъ побудшъ къ законовѣдѣнію всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступишъ въ гражданскую службу. Черезъ 5 лѣшъ никто уже не бу- дешъ опредѣленъ къ должности, пребующей Юридическихъ и другихъ познаній, не доказавъ, чшоп онъ пріобрѣлъ ихъ сисшематическимъ ученіемъ. Нужно ли описывашъ всѣ хорошія слѣдствія шакого закона? Правосудіе

* Сташья 40.

** Сташья 22.

*** Сташья 23.

есть душа государственного порядка: не говоря о томъ, что Науки вообще благодѣтельны для Морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и Государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, Который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человека въ неизмѣримой Державѣ своей. Если всѣ просвѣщенные земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію Имперію (въ которой творческая сила человеколюбиваго Генія дѣйствуетъ нынѣ живѣе, нежели гдѣ нибудь), то не одно любопытство раждаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственнѣйшій жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой. . . .

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливостъ добраго сердца, которое, плѣняясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нынѣ, великія государственныя творенія бываютъ медленны — такъ угодно Небу — и если Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми, щасливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь прудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго

просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи рожденія и новыхъ силъ: надобны вѣки для полного образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ счастья, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранился вѣнецъ ихъ. — Довольно, что сей безсмертный Уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей пребудетъ только — вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?

г. 1803.

Конецъ осьмаго тома.

ПАМУТАЛИ.

PLATYMA

Rest

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 8

Sanktpeterburg' (1835)

P.o.russ. 55 p-8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610044-5